

ОСОБО НЕУПОЛНОМОЧЕННЫЕ



МАРК ВЕЛЬСКИЙ

Марк Вельский

Особо неуполномоченные

«Автор»

2026

Вельский М.

Особо неуполномоченные / М. Вельский — «Автор», 2026

Антон Соколов и Данила Крылов — два актёра, которые умеют изображать кого угодно. Даже гениальных сыщиков. Правда, настоящие преступления они до сих пор видели только в кино. Получив заказ на проведение детективного представления в московском театре «Орфей», приятели рассчитывают на лёгкий заработок. Но всё идёт не по сценарию: за кулисами обнаруживают настоящее тело, среди гостей оказывается убийца, а подготовленная актёрами постановка подозрительно напоминает реальные события. Теперь Антон уверен, что способен раскрыть преступление. Данила уверен лишь в том, что его напарник окончательно сошёл с ума. Пока настоящая полиция ведёт расследование, два незадачливых сыщика умудряются нажить врагов, разрушить чужие алиби и случайно приблизиться к опасной разгадке. «Особо неуполномоченные» — криминальная комедия о двух друзьях, которые не имеют никакого права вести расследование. Но попробуйте им это объяснить!

© Вельский М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Преступление оплачено	5
Глава 2. Последний вечер без происшествий	13
Глава 3. Голос за занавесом	20
Глава 4. Человек на видеозаписи	27
Глава 5. Первое неверное обвинение	33
Глава 6. Голос, которому поверили	40
Глава 7. Два каталога	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Марк Вельский

Особо неуполномоченные

Глава 1. Преступление оплачено

Антон Соколов считал, что в жизни каждому человеку хотя бы раз предоставляется шанс произнести фразу, после которой все замолкают. Вопрос заключался в том, чтобы не растратить этот шанс на открытии магазина сантехники.

— Прошу никого не покидать помещение, — объявил он, выходя из-за ширмы. — Среди нас находится человек, совершивший тяжкое преступление.

Сотрудники торговой компании «Параллель» замерли с бумажными стаканчиками в руках. На столе остывали пироги. Над входом висел шар, который кто-то надул недостаточно старательно; слово «ПОЗДРАВЛЯЕМ» на нём выглядело как медицинский диагноз.

— По отношению к плану продаж, — добавил Антон и выдержал паузу.

Директор компании, мужчина с большой головой и маленькими очками, засмеялся первым. За ним засмеялись остальные. Именно за это и платили артистам: чтобы даже человек, не любивший корпоративы, мог почувствовать себя участником чего-то более весёлого, чем годовой отчёт.

За ширмой Данила Крылов сидел на ящике с рекламными буклетами и смотрел на часы. До окончания программы оставалось сорок минут. За сорок минут Антон должен был «найти» похищенную премию, назвать виновным заместителя директора и вручить тому картонную медаль «За служебное рвение». Реквизит лежал в нужных конвертах; участники знали лишь часть сценария. Всё шло по плану, кроме одной вещи: Антон опять импровизировал.

— У меня есть свидетель! — сообщил тот.

Данила выпрямился. Свидетеля в сценарии не было.

— Свидетель, который видел, как вы в пятницу в двадцать один час сорок минут вышли из кабинета бухгалтерии.

Смех оборвался. Заместитель директора, которому предназначалась медаль, внимательно посмотрел на главного бухгалтера. Та опустила стаканчик.

— Мы ничего такого не согласовывали, — прошептал Данила, нажимая кнопку служебной связи.

Из крошечного наушника у Антона раздалось шипение. Он в ответ слегка кашлянул — их условный знак «я всё контролирую». Этот знак Данила ненавидел особенно: за полгода совместной работы за ним ни разу не следовало ничего хорошего.

— Возможно, я ошибся во времени, — поправился Антон. — Так бывает в сложных расследованиях.

— В пятницу я действительно был там, — неожиданно признался заместитель.

В помещении сделалось тихо. Директор перестал улыбаться. Главный бухгалтер поставила стаканчик на стол так осторожно, словно внутри было не кофе, а взрывчатка.

— Но только потому, что просил аванс, — завершил заместитель.

Антон повернулся к собравшимся с видом человека, выигравшего блистательную партию.

— Вот видите! Даже невинное объяснение может выглядеть подозрительно. А теперь — к нашей игре.

Данила выключил микрофон, закрыл глаза и сосчитал до десяти. Это тоже не помогло.

После вручения медали они полтора часа собирали аппаратуру, потому что лифт в здании не работал, а реквизиторский сундук весил, как два честных признания вместе взятых. У

выхода директор благодарил Антона за «живость» и просил в следующий раз сделать расследование ещё острее.

— Предупредите заранее, — сказал Данила. — Особенно если у вас сотрудники нервные.

— У нас все нервные, — ответил директор. — Просто сегодня это было похоже на праздник.

Деньги пришли вечером. Данила сверил сумму с договором, вычел аренду колонок, такси и изготовление медалей. Остаток напоминал обещание, а не доход.

— Если продолжим такими темпами, мы сможем когда-нибудь купить собственную ширму, — сказал он.

Антон лежал на старом диване их маленького офиса. Офисом называлась комната при мастерской праздничного оформления, которую им сдавали после того, как предыдущий арендатор перестал продавать искусственные пальмы. На подоконнике стояла одна забытая пальма с отломанным листом. Антон объявил её символом фирмы.

— Мы продаём не ширму, Даня. Мы продаём переживание.

— Переживание у меня бесплатное. Особенно когда ты придумываешь свидетелей.

— Это называется режиссёрская свобода.

— Это называется разговор с директором, которому никто не сообщил, что ты шутишь.

Данила открыл электронную почту. Среди подтверждений заказов и рекламы бухгалтерских услуг обнаружилось письмо с темой «Культурный центр „Орфей“. Благотворительный вечер. Уточнение предложения».

— Вот оно, — произнёс он.

Антон сел так резко, что пальма качнулась.

Об «Орфее» они говорили две недели. Культурный центр располагался в бывшем театральном здании на старой московской улице и славился тем, что принимал людей с деньгами, знакомствами и странной привычкой считать благотворительность продолжением светского общения. Заказ был крупнее всего, что они делали раньше: иммерсивный детектив на вечер пожертвований, полсотни гостей, специальная сцена и полноценная техника.

— Сколько? — спросил Антон.

— Сумма та же. Но теперь хотят нашу смету по этапам, паспортные данные работников и подробный сценарный план.

— Прекрасно. Зрелые заказчики.

— Ещё пункт о неразглашении, отдельная ответственность за нарушение сохранности архивных предметов и двадцать восемь страниц приложения.

— Изумительно. Щедрые зрелые заказчики.

— Ты вообще слышишь меня?

Антон подошёл к столу, взял письмо и прочёл первый абзац. Его глаза приобрели особенный блеск. Такой блеск Данила видел на театральных репетициях незадолго до того, как актёры выясняли, что режиссёр забыл заказать декорации.

— «Орфей» — это уровень, — сказал Антон. — Там публика, связи, настоящая сцена. Нас увидят.

— Я предпочёл бы, чтобы нас оплатили.

— И оплатят. Ты помнишь Антонину Павловну? Она говорила, что у нас есть будущее.

— Она говорила, что ты можешь напугать человека голосом, а я умею читать договор.

— В сущности, это и есть наше будущее.

В театр Антон попал поздно, после экономического колледжа и трёх лет работы в торговой фирме. Отец считал, что сцена — занятие для людей без серьёзных планов, и до сих пор при встрече спрашивал, когда сын наконец «устроится нормально». Антон никогда не отвечал одинаково. В двадцать семь лет он говорил про мечту, в тридцать — про призвание, теперь

шутил, что у него собственная компания и это по любым меркам нормально. Отец кивал, а потом осторожно уточнял, сколько сотрудников числится в штате.

В штате числилось двое. Кроме них, были знакомые актёры, приглашавшиеся на разовые роли, и пожилая мастер по костюмам, которая иногда соглашалась подшить брюки за коробку конфет. От их первой постановки сохранился тяжёлый фонарь, который ни разу не пригодился. Антон отказывался его продавать: «В настоящем детективе свет никогда не бывает лишним». Данила показывал ему счета за склад и отвечал, что свет иногда стоит слишком дорого.

Данила пришёл к театру наоборот: с детства возился со звуком, когда другие мечтали о сцене. Однажды школьный спектакль остановился из-за сломанного проигрывателя, и Данила, двенадцатилетний мальчик, соединил колонки через старый магнитофон. Педагог тогда похвалил его словом «незаменимый», которое прозвучало как приговор. С тех пор он неизменно оказывался тем, кого звали, когда пропадал микрофон, терялась фонограмма или режиссёр просил невозможного. Он умел играть, но предпочитал оставаться сбоку и замечать то, что другим мешал увидеть свет рампы.

Их дружба держалась не на сходстве, а на проверенной способности ссориться и возвращаться к работе. Антон мог неделю обижаться на просьбу сократить монолог на две строчки, зато первым ехал за Данилой в ночную мастерскую, если тот забывал дома ключи. Данила не умел хвалить эффектно, но до сих пор хранил запись самого первого их выступления: в нём Антон от волнения трижды перепутал фамилию вымышленного убийцы, а зрители всё равно аплодировали стоя.

— У меня просьба, — сказал Данила, вспомнив об этом. — Если в «Орфее» будут важные гости, не надо рассказывать им, как ты однажды играл Гамлета в районном ДК.

— Почему? Это был прекрасный опыт.

— Ты играл могильщика.

— Тем важнее была моя роль в построении финала.

После истории на складе «Северного пути» у них действительно появились заказы. Антонина Павловна Рябинина невольно подарила их маленькой фирме первую репутацию. На её предприятии они должны были изображать проверяющих, но один из сотрудников принял постановку за настоящую ревизию и проговорился о старой отчётности. Позже полиция разбиралась с реальными преступлениями без помощи актёров, однако слухи о корпоративе разлетелись быстрее официальных сообщений. Людям нравилась версия, в которой два артиста разоблачили финансовую аферу одним взглядом. Данила каждый раз пытался объяснить, что это неправда. Антон предпочитал уточнять, что всё было значительно сложнее.

В итоге они зарегистрировали своё дело: «Соколов и Крылов. Театральные расследования». Пришлось отказаться от первоначального названия «Бюро особых дел»: юрист сказал, что люди могут решить, будто им предлагают настоящие юридические услуги. Антон долго сокрушался из-за отсутствия романтики в российском договорном праве.

— У меня идея, — сказал он теперь. — В «Орфее» сделаем вступление, где я появляюсь из темноты и говорю: «Сегодня искусство совершило преступление».

— Нет.

— Ты даже не дослушал.

— Это уже всё, что нужно услышать, чтобы сказать нет.

Данила нажал «ответить». За двадцать минут они составили вежливое письмо, в котором обещали прислать окончательную смету после осмотра площадки. Антон трижды пытался вставить фразу «проект беспрецедентного художественного масштаба». Данила трижды её удалял.

Когда письмо ушло, на телефон Антона пришло сообщение от Антонины Павловны. Она отвечала на присланную неделю назад фотографию с их выступления.

«Хороший костюм. Только воротник поправьте. И не изображайте сотрудников полиции без разрешения».

Антон показал экран Даниле.

— Видишь? Она за нами следит.

— Она заботится о том, чтобы тебя не задержали.

— А ты всегда видишь плохое.

— Нет. Иногда я вижу счета. Там ещё хуже.

За окном пошёл летний дождь. На соседней крыше светилась вывеска кафе, в котором они когда-то обсуждали, стоит ли вообще начинать общее дело. Тогда Антон уверял, что через год у них будет репертуар из двадцати расследований, собственная аппаратура и очередь клиентов. Данила соглашался лишь с тем, что год когда-нибудь закончится.

Теперь до конца первого года оставалось несколько месяцев. Часть мечты неожиданно исполнилась. Они работали вместе, получали деньги за придуманные преступления и всё чаще сталкивались с тем, что человеческая жизнь по своей нелепости превосходит любой сценарий.

Данила ещё раз перечитал письмо из «Орфея». В приложении был список ответственных лиц. Последней строкой значилось: «Общее согласование — Виктория Андреевна Левина».

На полях электронного файла кто-то оставил комментарий: «Тему убийства утвердить отдельно. Слишком близко к текущей ситуации».

Данила подвинул ноутбук к Антону.

— Ты не находишь это странным?

Тот прочитал и задумчиво кивнул.

— Наоборот. Люди понимают важность правдоподобия.

— Мне не нравится «текущая ситуация».

— Ты всегда волнуешься до премьеры.

— Потому что после премьеры обычно поздно.

Они договорились ехать на осмотр в среду. Данила распечатал договор, взял чистый блокнот и написал на первой странице: «Не импровизировать с реальными людьми».

Антон прочёл через плечо и добавил ниже: «Уточнить, какие люди реальные».

Оба засмеялись. За окном уже темнело, а на столе лежал список ещё не оплаченного реквизита.

* * *

Культурный центр «Орфей» встретил их запахом старого дерева, новой краски и дорогих цветов, которые на этом фоне казались временными жильцами. У входа висел бронзовый барельеф юноши с лирой. Юноша глядел вверх с таким трагическим выражением, что Антон невольно выпрямился.

— Сцена чувствуется с порога, — произнёс он.

— Это вход в бухгалтерию, — сообщил охранник, не поднимая головы от журнала. — Зрительский с другой стороны.

Антон опустил плечи. Данила предъявил письмо, они получили гостевые карточки и прошли в длинный коридор. На стенах висели фотографии спектаклей разных десятилетий. На одной худой человек в бархатной жилетке смотрел с афиши на портрет недавно умершей примадонны. Данила в детстве ходил сюда с бабушкой. Тогда здание было государственным театром, билет стоил не слишком дорого, а в буфете продавали мороженое, которое почему-то пахло древесной пылью.

Теперь у фойе стоял электронный экран с надписью «Наследие сцены: благотворительный вечер в поддержку реставрации театральных архивов». Под ним — список партнёров, от строительного холдинга до сети фитнес-клубов. Сама афиша была изящной: маска, полоса света, золотые буквы. Данила представил, как Антон добавляет туда кровавый отпечаток пальца, и мысленно поставил запрет.

Виктория Андреевна Левина появилась ровно в одиннадцать. Высокая женщина в светлом костюме двигалась без спешки человека, для которого остальные уже заранее освободили дорогу. На вид ей было около сорока трёх. Улыбка возникала легко и исчезала точно в тот момент, когда больше не требовалась.

— Антон? Данила? Очень рада. Вас рекомендовали как людей, способных оживить скучную публику.

— Мы способны и на большее, — с готовностью ответил Антон.

— На меньшее нам было бы удобнее, — произнёс Данила, протягивая папку.

Виктория засмеялась — искреннее, чем ожидал Данила.

— Вот за это вас и пригласили. Не хочу обычного ведущего, который три часа объясняет гостям, какая у них замечательная возможность помочь культуре. Пусть они немного поиграют.

Они вошли в малый зал. Двести кресел, невысокая сцена, боковые двери, тёмные бархатные занавесы. Над сценой проходил узкий технический мостик для света. За правой дверью виднелась лестница в служебное крыло.

Виктория объяснила устройство вечера. Сначала приём в фойе, затем короткая вступительная часть, видео о фонде, благотворительный аукцион и ужин в соседнем зале. Между выступлениями гости должны раскрыть игровое «убийство» вымышленного коллекционера: искать в конвертах подсказки, разговаривать с актёрами, подозревать невиновных и в финале сообща назвать виновного.

— Только без грубых шуток, — попросила она. — И не надо изображать нашу полицию. Мне нужны сыщики из старого романа. Пиджаки, блокноты, здравый смысл, лёгкая ирония.

— Здравый смысл может задержаться, — пробормотал Данила.

Антон осмотрел сцену.

— У нас будет персонаж, который обнаружит преступление на глазах у гостей. Свет гаснет, звучит короткая музыкальная фраза, появляется ключевое письмо...

— Свет без согласования не трогать, — прозвучало из дверей.

В зал вошёл грузный седоватый мужчина в джинсах и клетчатой рубашке. Он нёс на плече моток кабеля и смотрел на Антона так, будто заранее знал цену каждому его слову. Это был Глеб Романов, технический директор.

— Сначала смета, потом темнота. Я однажды видел, как человек на репетиции детектива ударился головой о декорацию. Теперь он каждую весну требует от нас компенсации, хотя декорацию уже списали.

— Глеб, — представила его Виктория, — наши приглашённые артисты.

— Вижу. По тому, как один из них хочет выключить электричество.

Антон протянул руку.

— Мы работаем профессионально.

— Вот и хорошо. Мне профессионалы дороги. Особенно здоровые.

Глеб разложил на сцене схему. Входы, выходы, технический коридор, запасная гримёрная, костюмерная. Он сразу обозначил зоны, куда гостям заходить нельзя. Архивное хранилище размещалось в старом служебном крыле за тяжёлой дверью с электронным замком. Там держали эскизы декораций, театральные альбомы, редкие программки и часть экспонатов, которые собирались показывать меценатам.

— За этой дверью не играем, — сказал Глеб, подчеркнув красным карандашом контур помещения. — Пройдёте — сработает сигнал, приедет охрана, и весь ваш театр кончится.

— А мы и не собирались, — ответил Данила.

— Все так говорят. Потом ищут гостей, которые решили посмотреть, нет ли в архиве настоящего скелета.

Виктория провела их дальше, в комнату с афишами и макетами. На деревянных подставках стояли миниатюрные декорации, а под стеклом — листы с акварельными эскизами.

Рядом висел увеличенный снимок реставрационной мастерской. Женщина в тёмном переднике держала сквозь стекло старый лист бумаги. Другая стояла за её плечом, положив ладонь на край стола. Под фотографией золотыми буквами было напечатано: «Т. С. Левина. Возвращение коллекции. 2009 год».

— Это ваша мать? — спросил Антон, заметив сходство женщины с Викторией.

— Да. Основательница проекта. Она отдала архиву половину жизни.

— А вторая женщина?

Виктория взглянула на снимок так быстро, словно проверила, не сдвинулся ли тот с места.

— Мастер из реставрационной команды. Их было много. Мы обязаны всем, кто помогал. Идёмте, времени мало.

Антон прошёл дальше. Данила задержался у снимка на секунду. За годы работы в театре он видел немало афиш с именем режиссёра и без имён людей, которые строили декорации. В этом не было тайны. Это просто было несправедливо.

— Эти вещи спасли от распродажи, — сказала она. — Некоторые десятилетиями лежали в сырых подсобках. Мы собираем деньги на реставрацию и правильное хранение. В идеальном мире государственные и частные бюджеты покрывали бы такие расходы сами. Но живём не в идеальном мире.

Данила задержался возле маленькой сценической модели. В ней была арка, дверь и крошечный деревянный стул — всё выполненное с точностью, от которой застывали пальцы.

— Это настоящие авторские эскизы? — спросил он.

— Часть оригинальная. Часть — выставочные копии. Экспертизу ведёт Николай Ельцов. Он придирчивый человек, но без таких людей архивы превращаются в склад красивых легенд. Когда она произнесла фамилию эксперта, Глеб, стоявший у двери, пошевелился.

— Придирчивый — мягко сказано, — заметил он.

Виктория бросила на него быстрый взгляд.

— Ельцов отвечает за научную часть. Организация вечера — моя. Не смешивайте эти сферы, Глеб.

— Стараюсь.

Этого короткого разговора было недостаточно для выводов. Однако Данила запомнил интонацию: так разговаривают люди, которые уже выяснили между собой нечто неприятное и теперь делают вид, будто обсуждают качество кофе.

В малом зале Виктория задержалась возле ряда кресел, где вечером должны были сидеть попечители. Она передвинула две карточки с фамилиями и попросила администратора никого не сажать на место почётного гостя, даже если тот опоздает. Антон счёл это естественной заботой об этикете. Данила же обратил внимание на другое: Виктория не перепоручала такие детали секретарю, хотя ей постоянно звонили и показывали документы. Она словно опасалась, что без личного контроля даже безобидная перестановка может привести к неприятностям.

— Вы давно занимаетесь архивом? — спросил Данила, когда они оказались рядом со стеллажом программ.

— Сам центр существовал задолго до меня. Фонд я возглавляю шестой год. В начале мы реставрировали костюмы и декорации. Потом появились частные дарители, коллекции, крупные выставки. Чем больше история, тем больше бухгалтерия.

— Знакомое сочетание, — сказал Антон. — Мы как-то работали в логистике. Там тоже всё началось с бумаг.

— Наслышана, — ответила Виктория. — Историю с вашей пенсионеркой пересказывали на попечительском совете. Мне понравилось, что она восстановила порядок без лишней публичности. У нас, к сожалению, так не всегда получается. Любой спор превращается в новость.

Она говорила спокойно. За окном грузовик разгружал цветы, работники ругались из-за неудачно поставленной тележки. Виктория на секунду посмотрела туда, потом снова улыбнулась.

— Извините, я постоянно думаю о бюджете. Нам обещали крупное пожертвование, но даритель хочет лично увидеть выставочную часть. А один из экспертов снова просит снять несколько предметов до повторного заключения. Представляете, как приятно объяснять это человеку, только что подписавшему чек?

Данила не спросил, кто именно возражает. Виктория сама назвала Ельцова через минуту, когда обсуждала порядок выступлений. В тот момент её тон оставался ровным: сложный специалист, с которым приходится работать. И если бы позже Данилу попросили вспомнить, видел ли он в её поведении страх, он бы честно ответил, что не видел. Он видел только человека, у которого много задач и мало времени.

За обедом в небольшом переговорном кабинете они обсудили оплату. Виктория не торговалась, но очень внимательно смотрела, что получит за каждую сумму. Ей нужно было по десять минут живого участия в каждом блоке, минимум четыре актёрских роли, отдельный человек для звука и запасной сценарий на случай, если гости окажутся пассивными.

— Четыре роли? — переспросил Данила. — В заявке было две.

— Вы не сможете привлечь кого-нибудь из знакомых?

— Можем, но за это придётся доплатить.

— Конечно. Пришлите новую смету.

Антон всё ещё разглядывал плакат.

— А если внутри сюжета будет коллекционер, укравший древний эскиз? Он умирает, оставив записку с фамилией...

— Не надо кражу эскизов, — быстро ответила Виктория.

Антон повернулся.

— Почему?

— Потому что это банально. Мы занимаемся сохранением наследия, а не приключениями вокруг него. Придумайте убийство из-за ревности или завещания. Человеческие страсти понятнее любой бухгалтерии.

Данила посмотрел на блокнот. На полях его рукой уже было записано: «Комментарий про текущую ситуацию. Уточнить».

— В вашем первом письме упоминалась тема, которую следует согласовать отдельно, — сказал он. — Это об архиве?

— У нас сложная подготовка. Кто-то из сотрудников вполне мог неудачно выразиться. Не берите в голову.

Она сказала это без раздражения, даже мягко. И всё же разговор закончился именно здесь.

Проводить их вышел Глеб. У лестницы он остановился и произнёс:

— В субботу у нас народу будет больше, чем когда премьеру давали. Если собираетесь работать, приходите на генеральную репетицию в пятницу. Я хочу лично проверить ваш звук.

— Мы пришлём схему, — кивнул Данила.

— И не делайте мне неожиданностей.

— Мы специализируемся на них, — ответил Антон.

— Тогда специализируйтесь у себя дома.

Когда они вышли на улицу, Антон ещё несколько шагов молчал, поражённый редкой для него мыслью, что лучше бы ему не сказали последнюю фразу.

— Что думаешь? — спросил он.

— Хорошая площадка. Оплата честная. С охраной надо договориться письменно.

— А Виктория?

- Умная. Очень контролирует тему вечера.
- Потому что отвечает за благотворительность.
- Возможно.

Они остановились у афиши на наружной стене. Под фамилиями участников были указаны имена попечителей, спонсоров, музейных специалистов. Напротив фамилии «Н. Ельцов» кто-то чёрной ручкой поставил косую черту — короткую, как случайное касание пера.

- Не нравится мне это, — сказал Данила.
- Ты опять ищешь нам неприятности.
- Нет, Антон. Я очень стараюсь их не находить.

Глава 2. Последний вечер без происшествий

Для Антона репетиция была священным временем. Для Данилы — временем, когда обнаруживалось, что у режиссёра нет запасных батареек.

К пятнице они подготовили семнадцать страниц сценария, четыре пачки игровых писем, коробку с восковыми печатями и два костюма. Антон называл их детективным дуэтом в традиции старого европейского театра. Данила называл их пиджаками, из которых один требовал химчистки.

В «Орфее» шла привычная предвечерняя суэта. Рабочие устанавливали дополнительный экран, флористы делили помещение на зоны, официанты сверяли число бокалов. На полу тянулись полосы защитной ленты. Время от времени раздавался голос Глеба, который мог одним словом объяснить десятку людей, чего именно они не должны делать.

— Колонку к стене не ставить! — кричал он, проходя через фойе. — Она не музейная статуя. Ей воздух нужен.

Антон показал ему схему.

— У нас финальный эффект: внезапно выключается свет, и звучит звон разбитого стекла. Глеб взял лист, посмотрел на него и молча вернул.

— Можно без разбитого стекла? — спросил Данила.

— Можно, — сказал Глеб. — Особенно без настоящего.

— Но ведь в темноте...

— В темноте человек должен сидеть на своём месте и думать о жизни, а не искать стекло под ногами. Для вашего эффекта сделаем затемнение сцены, фойе останется освещённым.

Глеб отвёл Данилу к звукорежиссёрской стойке. Здесь был небольшой цифровой пульт, компьютер со списком реплик и два монитора, на которых отображались камеры общего обзора зала и сцены. Архивный коридор туда не попадал: доступ к его записи имела только служба безопасности.

— Ваш фонограмма отдельной папкой, — распорядился Глеб. — И называйте файлы нормально. Не «финал_точно_новый_последний».

— Я называю файлы по номеру сцены, — сказал Данила.

— Хороший человек. Давайте дружить.

В другом конце пульта молодой техник Ярослав проверял запись вступительного блока Виктории Левиной. На экране стояла строка: «Приветствие В. А. Левиной — резерв».

— Это записано? — поинтересовался Данила.

— На всякий случай, — ответил Ярослав. — У неё живая речь перед видео. Но если микрофон подведёт, пустим запись.

Из колонок послышался ровный женский голос:

«Друзья, спасибо, что вы сегодня здесь. Иногда достаточно сохранить одну вещь, чтобы спасти целую историю».

Ярослав нажал паузу.

— Прилично звучит, — сказал Данила.

— Костюмированный вечер, а звук должен быть телевизионный, — отозвался Ярослав.

— Она вчера пять дублей делала. Ей не нравилось, как слово «историю» заканчивается.

Глеб услышал их разговор и подошёл.

— Этот файл только резервный. Ясно? — сказал он Ярославу.

— Ясно.

— И переходы не забудь. После приветствия запускаешь ролик, потом вступает ведущий. Не наоборот.

Он говорил строго, но не нервно. Данила отметил про себя, что технический директор опасается скорее публичной неразберихи, чем чих-то секретов.

На генеральную репетицию приехали ещё двое приглашённых актёров: Лиза Черняева, которая должна была играть вдову вымышленного коллекционера, и Артём Носов, назначенный нотариусом с подозрительно чистыми руками. Оба работали с Антоном прежде. Лиза легко схватывала любое задание, но перед каждым выходом требовала объяснить, чего именно хочет её персонаж. Артём считал, что главное — запомнить текст и вовремя получить деньги. На репетиции это сочетание обычно рождало конфликты, способные разнообразить скучный вечер.

— Я не понимаю, зачем вдове искать убийцу, — сказала Лиза, изучив новый сценарий. — Она по сюжету его ненавидела.

— Именно поэтому, — ответил Антон. — Ненависть сложное чувство.

— Для тебя любое чувство сложное, — заметил Данила. — У неё страховая выплата и драгоценности. Пусть ищет завещание.

— Отлично! — обрадовалась Лиза. — Теперь у меня есть цель.

Артём поднял лист:

— А почему нотариус знает о тайной двери?

— Потому что работал в доме, — объяснил Антон.

— Нотариус?

— С этим домом связано его прошлое.

— Напиши, какое. Я не собираюсь на сцене сам выяснять, кто я такой.

Данила записал все правки. Когда репетиция закончилась, он отвёл артистов в сторону и отдельно предупредил: если кто-то из гостей решит, что перед ним настоящие сыщики или нотариус, нужно сразу объяснить игровой характер происходящего. Не брать у гостей документы, не обещать реальных юридических услуг, не спорить с охраной из-за закрытых помещений. Лиза кивнула. Артём спросил, можно ли хотя бы говорить «приказываю». Данила разрешил, если после этого Артём сразу добавит, что исполняет роль.

— У тебя слишком много правил, — сказал Антон, когда коллеги ушли переодеваться.

— Они появились не сами собой. Большая часть — после твоих импровизаций.

— Ты когда-нибудь напишешь обо мне книгу?

— Уже пишу. Называется «Техника безопасности».

В гримёрной Антон примерял пальто с высоким воротником. В зеркале оно делало его похожим на иностранного дипломата, которого ошибочно пригласили руководить свадьбой.

— Даня, скажи честно. Есть сила?

— Есть. Но ты ей мешаешь застёгиваться.

— Я о персонаже.

— Он должен быть человеком, которому гости поверят. Не надо походить на человека, который самостоятельно поставил себе памятник.

Антон обиделся ровно на три секунды. Потом придумал новую реплику.

— «Мы ищем не убийцу. Мы ищем правду».

— Слишком пафосно.

— «Правда сидит среди вас».

— А вот это уже угроза гостям.

— Тебе вообще ничего не нравится.

— Мне нравится, когда заказчики возвращаются.

Они репетировали сцену обнаружения воображаемого тела. Роль убитого коллекционера исполняла большая чёрная коробка, накрытая серым чехлом. Антон театрально поднимал край ткани, Данила произносил предусмотренную сценарием фразу о том, что покойному уже ничем

не помочь, кроме раскрытия дела. В этот момент должен был открыться конверт с первой уликой.

На третьем прогоне дверь открылась.

— Что это здесь происходит? — спросил мужчина с тонким портфелем.

Ему было под пятьдесят. Худое лицо, серебристые очки, застёгнутый до верхней пуговицы пиджак. Он говорил тихо, но в его голосе была уверенность человека, которого редко перебивали.

— Репетиция, — объяснил Данила.

— Чего?

— Игрового детективного представления для вечера.

Мужчина посмотрел на серый чехол, потом на Антона.

— Уже похоронили кого-нибудь?

— Пока только художественный вкус моего коллеги, — сказал Данила.

Незнакомец не улыбнулся.

— Николай Ельцов. Эксперт по коллекции. Я просил не устраивать спектакли в зоне, через которую перемещают экспонаты.

— Нам сказали, что здесь можно репетировать, — ответил Антон.

Ельцов подошёл к столу с конвертами. На одном было напечатано «СЕКРЕТНАЯ ПАПКА. ДЕЛО № 12». Он провёл пальцем по бумаге.

— Кто выбирал номер?

— Я, — сказал Данила. — Случайным образом.

— Случайным, — повторил Ельцов так, будто слышал плохой перевод иностранного слова.

Антон шагнул вперёд:

— Это игровая условность. Мы ничего не копируем из реальной жизни.

— Прекрасно. Тогда давайте оставим реальную жизнь в покое.

Ельцов забрал со стола брошюру фонда, которую кто-то оставил возле гримёрного зеркала. Она была загнута на странице, посвящённой «восстановленной коллекции эскизов русского авангарда». Он быстро просмотрел страницу, нахмурился и вышел.

— Приятный человек, — заметил Антон.

— Он обратил внимание на номер двенадцать, — сказал Данила.

— Потому что двенадцать — число мистическое.

— Потому что он явно чего-то испугался.

— Он не испугался. Он расстроился от плохого театра.

Данила вернулся к конвертам. Номер был выбран действительно случайно: в папке лежало несколько шаблонов, и двенадцать осталось после старого заказа, посвящённого годовщине компании. Однако во вложении, подготовленном сотрудницей фонда, обнаружилась другая бумага, которую Данила раньше принял за техническое указание.

«Складская комната Б. Ящик 12. Белая бирка. Указать подозреваемому на пропуск».

Это не походило на литературную улику. Невыразительная фраза не объясняла, кто подозреваемый и за что его надо допрашивать. Антон прочитал её, пожал плечами и сказал:

— Может, это часть их внутреннего квеста?

— Они просили придумать всё самим. Кто принёс вложение?

— Секретарь Виктории. Слова были: «Посмотрите, может пригодиться».

Данила положил бумагу отдельно. Он не любил бесхозных деталей. В отличие от Антона, который искренне полагал, что любая деталь на сцене рано или поздно обретёт смысл, Данила знал: чаще она оказывается просто чьим-то забытым мусором.

Перед уходом он зашёл в звуковую, чтобы забрать копию собственной фонограммы. Ярослав был занят телефоном; вместо него у пульта сидел Глеб и проверял список сие — временных отметок для запуска света и звука.

— У вас запись выступления Левиной, — сказал Данила. — Если микрофон не подведёт, её не включат?

— Не включат. Такие записи существуют ради страховки.

— Кто вообще решает, когда переключаться на резерв?

— Я или Ярослав. И без самостоятельности. Зачем спрашиваете?

— Надо понимать, не наложится ли на мою звуковую сцену.

— Не наложится. Ваше дело после аукциона. Одна система, но разные блоки.

Глеб на секунду замолчал, затем добавил уже другим тоном:

— Если Ельцов станет к вам приставать с разговорами об архиве, не пытайтесь помогать ему спектаклем. Он взрослый человек и умеет писать жалобы.

— У него конфликт с руководством?

— В доме, где сто лет хранят старые декорации, конфликты бывают даже с пылью.

Он снова уткнулся в экран. Данила понял, что вопросов больше не требуется.

На улице Антон открыл папку и показал пересмотренный финал. Теперь виновным в игровом убийстве должен был стать старый управляющий особняка, скрывавший подлог завещания. У него был тайный вход, ненадёжное алиби и привычка считать окружающих глупее себя.

— Отличный типаж, — сказал Данила.

— Тебе понравилось?

— Да. Особенно если перестанешь добавлять ему биографию на каждой репетиции.

Антон удовлетворённо сложил бумаги.

Вечером Данила отправил Виктории запрос: не принадлежит ли ей записка про ящик двенадцать и не нужно ли исключить её из игровых материалов. Ответ пришёл спустя четыре минуты.

«Да, пожалуйста, исключите. Сотрудник ошибочно приложил внутреннюю памятку по архиву. Благодарю за внимательность».

Данила отложил телефон. Формально объяснение было разумным. Нелепость заключалась в другом: если памятка действительно внутренняя, почему её вообще передали двум посторонним артистам?

Он открыл сценарий, нашёл сцену с первой уликой и заменил цифру «12» на «19».

Потом минуту смотрел на экран и поймал себя на желании отказаться от заказа. Преступники пока существовали для него только в пьесах и романах, которыми зачитывался Антон.

Его тревожило, с какой лёгкостью организаторы решали вопросы на словах и откладывали простые проверки до последней минуты.

* * *

В субботу днём Антон купил новые ботинки. Не потому, что старые развалились, а потому, что в новых было легче представить себя человеком, приглашённым в хорошие дома не для того, чтобы кого-то развлекать. Продавец сообщил, что кожа разносится. Антон ответил, что ради искусства способен вынести многое.

Данила надел проверенные туфли и взял дополнительные шнуры для микрофонов. Он знал, что публика редко замечает красивые ботинки, зато мгновенно замечает молчание ведущего посреди фразы.

К шести часам «Орфей» преобразился. Над входом горели мягкие лампы, по лестнице тянулась дорожка, на столах стояли карточки имён. Гости получали бокалы и внимательно смотрели друг на друга, пытаясь вспомнить, где видели знакомое лицо и не должен ли этот человек им денег.

Антон вышел из служебной двери с коробкой реквизита и обнаружил у колонны Антонину Павловну Рябинину. Она стояла рядом с женщиной в жемчужном ожерелье и изучала программку с таким видом, каким обычно проверяла счета подрядчиков.

— Антонина Павловна! — обрадовался Антон. — Какая встреча!

— Меня пригласили на вечер в помощь театральному архиву, — сказала она. — Представляете, когда-то я сюда Илью водила. Он в антракте съел три пирожных и весь второй акт спрашивал, скоро ли ещё антракт.

Она сложила программку.

— Вас здесь тоже пригласили?

— Мы обеспечиваем интерактивную часть мероприятия.

— Данила договор прочёл?

— Дважды, — ответил подошедший Данила.

— Тогда хотя бы с документами всё в порядке.

Её спутница смотрела на Антона с интересом. Антонина Павловна представила их так: «Это артисты. Хорошие ребята, когда ничего не расследуют».

— У нас сегодня постановочное расследование, — пояснил Антон.

— Вот постановочным и ограничьтесь.

Лиза и Артём появились за полчаса до начала в театральных костюмах. На Лизе было платье цвета тёмного вина и перчатки, которые по задумке Антона должны были «намекать на тщательно скрываемую тайну». На Артёме — серый костюм с жилеткой, придававший ему вид человека, составляющего завещания прямо в метро.

— Меня уже два раза приняли за гостя, — пожаловался Артём. — И один раз спросили, действительно ли я нотариус.

— Что ответил? — насторожился Данила.

— Что только по понедельникам.

— Артём!

— Хорошо, хорошо. Сказал, что артист. Шутку сделал потом.

Лиза остановилась у стола с программами и указала на схему маршрута гостей. На ней был изображён путь от фойе через малый зал до банкетного помещения, но старая служебная лестница не значилась вовсе.

— Нас проведут через правый проход? — уточнила она. — Я не хочу пробираться мимо столиков в перчатках. В прошлый раз одному господину показалось, что я официантка, и он вручил мне тарелку с рыбой.

Данила показал им дверь возле костюмерной. Именно этой дверью они должны были воспользоваться для первого игрового появления. Он ещё раз повторил запрет заходить в комнату Б и архивный коридор. Артём заметил, что никаких комнат Б в их сценарии нет, и Данила одобрил эту мысль: так и должно оставаться.

Пока актёры репетировали короткий обмен репликами, Антон увидел Глеба у входа в техническое крыло. Тот говорил с Ярославом по радиостанции и одновременно показывал рабочему, куда ставить запасной светильник. Никакой подозрительности в этом не было. Вечер требовал от технической службы больше внимания, чем обычно, и Глеб распоряжался людьми, как человек, которому после окончания праздника придётся собственноручно проверить все выключатели.

Вопрос прозвучал шутливо, но Данила не стал шутить в ответ. Он вспомнил историю в «Северном пути». Тогда всё тоже началось с игры, а закончилось разговорами, после которых людям трудно было вернуться к нормальной жизни.

Антонина Павловна уточнила, не будут ли гости ходить по архиву, и, услышав отрицательный ответ, ушла к столам. На прощание она оставила Даниле маленький бумажный пакет.

— Пирожки. На случай, если у вас опять мероприятие без ужина.

Антон дождался, пока она отойдёт.

— Любит нас.

— Она не хочет, чтобы ты упал в голодный обморок на чужой сцене.

— Это тоже любовь.

Они разделили пирожки в коридоре возле костюмерной. За двадцать минут до начала Данила проверил звук. Из колонок шёл короткий джазовый фрагмент, а Ярослав за пультом устранял лёгкое эхо. Глеб прошёл мимо с радиостанцией, остановился и произнёс:

— После первого видео никого за кулисы не пускать. Ни гостей, ни ваших артистов без сопровождающего. Архивный проход сегодня заперт отдельно.

— Почему? — спросил Данила.

— Потому что кто-то опять принёс туда документы без регистрации. Разберёмся после вечера.

— Ельцов?

Глеб замолчал.

— Работайте по своему плану, ребята. Он у вас и так длинный.

Через открытую дверь соседнего кабинета донёсся голос Николая Ельцова. Эксперт стоял спиной к коридору и разговаривал с кем-то по телефону:

— Нет. После презентации меня не устроит. Если они вывешат эти фотографии, я скажу прямо, что у нас есть основания сомневаться в происхождении листов.

Заметив артистов, Ельцов завершил разговор. На нём был тёмный костюм без галстука, в руках — потрёпанная кожаная папка. Он явно чувствовал себя здесь не как гость, а как человек, вынужденный свидетельствовать на семейном торжестве, в которое не верил.

— Вы изменили номер? — спросил он Данилу вместо приветствия.

— Да. Теперь в сценарии девятнадцатый.

— Правильно.

— У вас что-то связано с двенадцатым?

Ельцов посмотрел в сторону фойе, где зазвучали аплодисменты очередным прибывшим.

— Это не разговор для коридора.

Он вынул из папки маленький сложенный лист, хотел что-то сказать, потом передумал.

— Вы работаете до конца вечера?

— До половины одиннадцатого, — ответил Данила.

— Тогда, возможно, ещё увидимся.

Антон почувствовал особый азарт. В его представлении такие люди появлялись в самом начале детектива, говорили загадочные фразы, а в третьей главе оказывались похитителями сокровищ.

— Николай... простите, отчества не знаю. Мы не занимаемся реальными расследованиями, но если у вас проблема с нашим представлением...

— Именно это меня сейчас и утешает, — ответил Ельцов.

Он ушёл к служебной лестнице. Антон проводил его взглядом и повернулся к Даниле.

— Вот видишь. Настоящий характер. Его надо бы пригласить сыграть подозреваемого.

— Он нас терпеть не может.

— Это помогает роли.

— Антон, пожалуйста, хоть сегодня не превращай чужой конфликт в спектакль.

В фойе началось вступление. Виктория Левина приветствовала людей по именам, легко касалась плеч, уверенно переключалась с улыбок на деловые темы. Рядом с ней несколько минут стоял седой коллекционер Пётр Аркадьевич Шмелёв, пожилой мужчина в пиджаке с ярким платком. Он громко доказывал, что коллекции существуют только ради тех, кто способен отличить оригинал от копии.

— Это звучит дорого, — заметил Антон.

— Это звучит как причина никогда не спорить с таким человеком, — ответил Данила. Виктория подошла к ним и показала на часы.

— К семи тридцати я должна быть на сцене. Дайте гостям спокойно посмотреть видео. После аукциона будет ваш выход. И не начинайте раньше сигнала.

— А если публика попросит? — спросил Антон.

— Пусть сначала пожертвует на реставрацию.

Она улыбнулась и двинулась дальше. В этот момент у неё зазвонил телефон. Виктория взглянула на экран, улыбка пропала, и она быстро прошла в служебный коридор.

За несколько шагов до двери её догнал Ельцов. Они остановились у стены с фотографией прежнего театрального директора. Антон не слышал слов, только увидел, как эксперт поднял свою папку, а Виктория неподвижно смотрела на него. Она не взяла документы и не коснулась его руки. Но остановившиеся движения были красноречивее крика.

— Надо бы узнать, что происходит, — сказал Антон.

— Не надо.

— Ты ведь сам любишь наблюдать.

— Наблюдать — не значит подслушивать.

Они ушли к звуковому пульту. Через стекло Данила видел, как Виктория возвращается в фойе одна. Её походка ничем не отличалась от прежней.

В девятнадцать двадцать пять распорядитель попросил гостей пройти в зал. Свет начал постепенно тускнеть. Антон поправил воротник, Данила открыл список звуковых сигналов.

В программе их выход значился позднее. До него оставалось около часа. Оба были уверены, что самым трудным окажется удержать гостей от преждевременного разгадывания вымышленного убийства.

Потом Данила вспомнит, как ровно гудел проектор, как за кулисами кто-то искал удлинитель и как уверенно все называли этот вечер обычным.

Глава 3. Голос за занавесом

Когда в зале погас основной свет, разговоры затихли не сразу. Несколько человек продолжали обсуждать парковку и цену вина, которое подавали в фойе. Затем прозвучала мягкая музыкальная заставка, на экране появился архивный кадр старого спектакля, и публика наконец обратила внимание на сцену.

— Добрый вечер, дорогие друзья, — раздался голос Виктории Левиной.

Антон, стоявший у кулисы, чуть подался вперёд. Голос звучал чисто, будто говорили из самой середины зала. Сцена была затянута тонким полупрозрачным занавесом; за ним горел неяркий свет, превращавший всё в общую тень.

— Иногда достаточно сохранить одну вещь, чтобы спасти целую историю, — произнесла Виктория. — Сегодня каждый из вас может помочь этой истории продолжиться.

На экране сменялись старые фотографии. Женщина говорила о реставрации, памяти, спектаклях, которые никогда не повторятся. Антон ловил каждую интонацию: профессионал в нём оценивал паузы. Данила смотрел на часы пульты, на полосу воспроизведения и на бегущие внизу списка сигналы.

В половине восьмого он обнаружил, что их собственная фонограмма подписана неправильно. Вместо «Эпизод 1. Тревога» значилось «Эпизод 1. Тревога финальная». Ничего страшного, но исправлять надо было сейчас, пока зал занят роликом.

— Ярослав, эту дорожку переименуй, пожалуйста, — попросил он в наушник.

— Потом, — ответил техник. — У меня выступление идёт.

Данила прищурился. На экране программа показывала начало видеоблока, но он не увидел привычного индикатора микрофона. Вернее, индикатор был выключен. Возможно, звуковик использовал другой канал. Данила решил, что не стоит вмешиваться: у каждого свои настройки, и чужой пульт подобен чужому семейному спору — даже если кажется, что ты понимаешь, как решить, лучше спросить разрешения.

За несколько секунд до окончания речи световой рисунок на сцене изменился. Полупрозрачная ткань окрасилась в синий цвет, поверх неё лёг силуэт старой декорации. Данила, даже занимаясь собственной дорожкой, заметил удачный переход: звук не дрогнул, изображение не запоздало. Он машинально записал в блокноте: «Хорошая синхронизация. Уточнить для наших программ». Профессиональные привычки редко обращают внимание на обстоятельства.

Лиза стояла за ним и шептала Артёму последние реплики. Она не видела Викторию на сцене, но слышала каждое слово.

— Человек умеет держать зал, — сказала Лиза.

— Её даже не видно, — заметил Артём.

— Тем и интереснее. Ты попробуй заставить весь зал молчать одним голосом.

Антон хотел возразить, что у него это получалось многократно, но за стеной начали аплодировать, и он ограничился величественным жестом. Данила запомнил смешное обстоятельство: на самом торжественном участке программы четверо актёров спорили о способности быть убедительным, когда никто не видит твоего лица. Позже ему предстояло много раз возвращаться к этим словам.

Тем временем видео закончилось. Раздались аплодисменты. Из-за занавеса вышел ведущий аукциона, энергичный мужчина с лицом человека, который способен продать гостям их собственные пальто.

Виктория присоединилась к ведущему у первого ряда. Антон видел её через узкий проём в кулисе: светлый костюм, спокойная улыбка, бокал воды. Однако вышла она не из центра занавеса, откуда вроде бы звучала речь. Она появилась справа — из узкого технического прохода,

почти незаметного зрителям за ширмой, — и за несколько шагов оказалась на виду. Антон, привыкший замечать выходы актёров, подумал, что режиссёр вечера неверно разметил мизансцену. Через минуту он отвлёкся на аукцион и не придал этому значения.

— Как она успела? — спросил Антон.

— Кто?

— Левина. Только что говорила, уже стоит внизу.

— Там боковой выход, — ответил Данила, не отрываясь от ноутбука. — Два шага.

Потом начался аукцион. Для первого лота принесли старую театральную программку с подлинной подписью знаменитой актрисы. По залу прошёл привычный шорох внимания, когда люди определяют, на какую сумму готовы пожертвовать ради вещи, которая им не нужна.

Антон не любил аукционы. Они напоминали ему кастинги: никто не хочет показать, что заинтересован сильнее других, но каждый боится уйти с пустыми руками.

— Сколько до нашего выхода? — спросил он.

— Сорок пять минут. Если ведущий не растянет торги.

В этот момент в служебный коридор вошёл Глеб. Лицо его было сердитым, как обычно, но теперь он ещё и говорил слишком быстро по радиостанции.

— Ярослав, кто открывал дальнюю дверь? Повтори. Не слышу.

Ответ утонул в треске.

— Меня там не было, — сказал Глеб, заметив Данилу. — И не вздумайте ходить к гримёрам в одиночку. Туда кто-то поставил коробки поперёк прохода.

— Я их не ставил, — ответил Антон.

— Вас никто не обвиняет. Пока.

Он прошёл дальше. У Данилы неприятно кольнуло под рёбрами. Глеб был не из тех, кто паникует из-за коробок. Значит, либо ссорился по другому поводу, либо действительно возникла неполадка.

Через двадцать минут аукцион сделал перерыв. Распорядительница попросила артистов начать подготовку первого игрового эпизода. Данила проверил реквизит: чёрная коробка с серым чехлом, ключ от вымышленного кабинета, конверты, ручка. Антон должен был войти из боковой двери, затем на сцене раздавался звук падения и они объявляли о «преступлении».

— Мы можем убрать коробку? — спросила распорядительница. — В коридоре места мало.

— Она часть представления, — ответил Данила. — Её можно переставить сюда, но нельзя уносить.

Женщина кивнула. Она явно мечтала, чтобы праздник закончился и все предметы перестали перемещаться сами собой.

Антон отошёл за кулису, проверяя, как открывается боковая дверь. Там было душно. Пахло деревом, мебельным лаком и чем-то едва уловимо металлическим.

У стены стоял столик монтажников. На нём, среди мотков шнура и мелких креплений, лежал плоский круглый груз с красной полоской изолянта на боку — им придавливали край напольного покрытия. Антон передвинул свой лёгкий пластиковый кубок подальше и больше к столу не подходил.

— Даня! — позвал он. — Здесь ещё один конверт лежит. Наш?

На столике у бокового выхода находилась белая карточка, сложенная пополам. Внутри не было игрового текста, только напечатанные слова: «Глеб знает про двенадцатый. Спросите его, где подлинник».

Антон восхищённо присвистнул.

— Вот это участие гостей! Нам уже подсказки подбрасывают.

Данила взял карточку и ощутил плотную бумагу, такую же, как у программ вечера. На сгибе остался слабый след от скрепки.

— Убери её. Это не наш реквизит.

— А вдруг интерактив?

— Наш интерактив записан в договоре. Если кто-то хочет вести своё расследование, пусть нанимает другого артиста.

Антон не спорил. Он сунул карточку Даниле и продолжил проверять дверь.

В глубине служебного коридора раздался глухой звук. Не падение человека, скорее металлическая стойка коснулась стены. Потом послышались шаги. Далеко, за поворотом, мелькнула тёмная фигура.

— Это кто? — спросил Антон.

— Не вижу.

— Глеб?

— Не знаю. Идём обратно.

Однако Антон уже сделал несколько шагов в коридор. Он не хотел расследовать реальное происшествие; всего лишь намеревался попросить неизвестного человека не трогать их реквизит. За поворотом оказался короткий проход с двумя дверями. На одной висела табличка «Костюмерная», на другой — «Служебная комната Б». Дверь в комнату Б была приоткрыта.

На полу возле неё лежала тёмная папка.

Антон остановился, потому что узнал кожаную обложку. Ельцов держал её несколькими часами раньше.

— Даня, — сказал он непривычно тихо. — Позови кого-нибудь.

За дверью на боку лежал человек в тёмном костюме. Голова была повернута к стене, рука вытянута, очки разбиты. На светлом полу виднелась небольшая полоса крови. Комната была тесная, заставленная стеллажами и пустыми подставками для экспонатов.

Антон заглянул внутрь, не переходя порога.

— Николай? — позвал он. — Вы меня слышите?

Ответа не было.

Данила подошёл и встал рядом. Он быстро оценил расстояние до человека, телефон в руке, приоткрытую дверь. Голос его прозвучал так спокойно, что Антон сразу испугался сильнее:

— Не трогай ничего. Вызываю скорую и полицию.

— Может, он просто...

— Антон. Не придумывай.

Данила набрал 112 и назвал адрес, этаж, ближайший вход. Ему задавали вопросы, он отвечал, не перебивая. Антон стоял рядом, стараясь понять, что должен делать человек, который всю жизнь репетировал обнаружение трупа, а теперь впервые увидел неподвижного знакомого мужчину.

Диспетчер уточнил, подаёт ли пострадавший признаки жизни, и попросил проверить его состояние, не теряя времени. Данила попросил у распорядительницы дежурного медика; она уже бежала навстречу вместе с охранником. Они вошли в комнату, осторожно проверили дыхание. Медик коротко посмотрел на Данилу и попросил не задерживать прибывающих врачей.

Антон отступил, пропуская людей, и прижался спиной к стене.

В это мгновение на сцене за стеной раздался взрыв аплодисментов — кто-то приобрёл дорогой лот. Кто-то восторженно смеялся. В большом зале продолжался праздник, где люди платили деньги за спасение старых вещей. В маленькой комнате за кулисами лежал человек, который ещё утром сердился на номер папки.

— Мы ведь не начали нашу сцену, — вдруг сказал Антон.

— Нет, — ответил Данила.

— А он...

— Знаю.

Он хотел добавить что-нибудь разумное, но ничего разумного не находилось. Поэтому просто стоял рядом с другом, пока по коридору приближались быстрые шаги.

* * *

Настоящая полиция приехала без эффектной музыки. Никто не произнёс фразу о том, что здание оцеплено и преступник наверняка среди гостей. Сотрудники вошли через служебную дверь, показали удостоверения охране, попросили освободить коридор и начали задавать простые вопросы, на которые у людей почему-то не находилось простых ответов.

Скорая прибыла практически одновременно. Врач осмотрел Ельцова и через несколько минут подтвердил смерть. Врач не стал называть время смерти с точностью до минуты. Охранник, только что уверявший, что «здесь посторонних не бывает», теперь смотрел на дверь комнаты Б как на собственную ошибку.

Виктория Левина появилась с распорядительницей. На лице у неё были растерянность и напряжение; однако первым вопросом стало:

— Вы уверены, что это не какая-то ужасная ошибка?

— Ошибка была бы, если бы я перепутал дверь, — ответил Данила. — Человека осмотрел врач.

Она не стала спорить. Спросила, где находился Ельцов, и отошла к окну. Антон заметил, что Виктория держала телефон двумя руками, хотя разговаривать по нему не собиралась.

Глеб, напротив, разозлился. Он появился из аппаратной и прежде всего потребовал знать, кто проходил через технический коридор.

— Ключ у кого? — спросил он у охранника. — Не надо говорить «у всех». Мне фамилии нужны.

Охранник сказал, что дверь комнаты Б обычно не запирали во время монтажа, поскольку туда приносили подставки и запасные витрины. В начале вечера её обещали закрыть, но в журнале отметки не оказалось.

— Кто обещал? — спросил Глеб.

— Не помню.

— Прекрасный у нас музейный режим, — произнёс Глеб. — Просто мечта коллекционера.

Антон хотел сказать, что ещё днём видел папку Ельцова, но полицейский попросил его немного подождать и не обсуждать обстоятельства с другими свидетелями. Данила молча кивнул. У Антона от этого запрета возникло неприятное ощущение бесполезности: он привык выступать перед публикой, а теперь ему велели сидеть возле стены и ничего не объяснять.

Часть гостей вывели через соседний выход, другую попросили оставаться в зале до уточнения обстоятельств. Ведущий аукциона начал сообщать о техническом перерыве, но вскоре объявил об окончании вечера. По лицам людей можно было видеть, как быстро меняется смысл благотворительного мероприятия, когда становится известно о настоящей смерти.

— Мы с коллегой обнаружили тело, — сказал Антон молодому сотруднику, который записывал личные данные. — Понимаете, поразительное совпадение: у нас была запланирована почти такая же сцена.

— Сценарий имеется?

— Конечно.

— Передайте, пожалуйста, копию.

Антон оживился:

— Там вы увидите, что наш подозреваемый...

— Мне пока нужна копия, — перебил сотрудник. — Ваши объяснения позже.

Данила тихо коснулся его локтя.

— Не надо сейчас играть.

— Я не играю.

— Тогда просто отвечай.

Их разместили в небольшой комнате рядом с административной стойкой. На стене висел календарь за прошлый год, на окне стояло растение в горшке, которое явно пережило множество торжественных мероприятий и утратило интерес к судьбе человека. Антон двадцать минут пытался собрать в голове всё, что видел. Данила разложил перед собой блокнот и записал приблизительные времена: около 19:20 встреча Ельцова с Викторией, 19:30 приветствие, 19:44 — обнаружение папки и комнаты Б. Затем перечеркнул последнюю цифру: он проверил журнал вызовов и увидел, что звонил в 20:11. Аукцион затянулся, а ощущения времени подвели.

— Вот, — показал он Антону. — Уже ошибся почти на полчаса.

— Я думал, мы нашли его в половине восьмого.

— Ты думал, потому что видел начало видео, потом всё слилось. Именно поэтому мы не следователи.

Антон прочитал записи. Получалось, что в течение вечера он почти не следил за часами. Собственные часы он снял из-за неудобного ремешка и оставил в гримёрке. Важные события, происходившие для него последовательно, вовсе не обязаны были происходить близко по времени.

— А если наше письмо...

— Мы о письме скажем. Но не будем делать выводов.

В дверь заглянула женщина в тёмном пиджаке. Короткая стрижка, блокнот без обложки, спокойное выражение человека, которому не требуется повышать голос. Она представилась:

— Мария Петровна Рогова, следователь. Кто из вас вызывал помощь?

— Я, — ответил Данила.

— Тогда сначала поговорим с вами. Второй подождёт здесь.

Антон невольно поднялся.

— Мы работаем вместе.

— Очень хорошо. Сейчас будете работать отдельно.

Она произнесла это без насмешки. Данила пошёл за ней, а Антон остался сидеть под календарём, чувствуя обиду, которой совершенно не следовало здесь быть.

Рогова спрашивала последовательно: зачем Данила приехал, с кем встречался, где находился во время выступления, как обнаружил человека. Он описывал то, что видел, и каждый раз отделял наблюдение от догадки. Следователь не перебивала, только уточняла расстояния и время.

— Вы сказали, что сначала увидели папку. Узнали её сразу?

— Не наверняка. Похожа на папку Ельцова. Тёмная кожа, металлический уголок. Могла быть другая.

— А записку о комнате Б?

Данила достал сложенный листок, найденный в гримёрке несколькими днями раньше. Он хранил его между страницами рабочего блокнота.

— У нас была такая вставка в реквизит. Организаторы сказали, что ошибка, и попросили исключить. А сегодня кто-то оставил карточку с упоминанием Глеба и подлинника. Она здесь, в этом конверте. Я старался больше ничего не трогать, но взял её до обнаружения Ельцова. Это важно записать.

Рогова приняла конверт, отметила обстоятельства передачи и попросила подробно описать, кто мог трогать бумаги до полиции.

— Вы сохранили электронное письмо организаторов?

— Да.

— Не удаляйте. Передайте копию через официальный контакт, который вам дадут. И не обсуждайте найденную карточку с другими участниками.

— Понимаю.

— Ещё вопрос. Почему вы записали время обнаружения сначала неверно?

— Перепроверил по вызову. У меня не очень хорошее чувство времени на мероприятиях. Она кивнула, словно поставила маленькую отметку в графе «умеет признавать ошибки».

Когда Данилу отпустили в комнату, Антон уже сидел на краю дивана и мял бумажный стаканчик с водой.

— Что она спрашивала?

— Всё по порядку.

— А меня почему не зовут?

— Потому что со мной ещё не закончили.

— Я чувствую себя подозреваемым.

— Ты чувствуешь себя не в центре внимания. Не путай.

Антон отвернулся. Данила сказал это резче, чем хотел, но извиняться не спешил. У него до сих пор дрожали руки — запоздалая реакция на тело в комнате Б. Он не хотел быть опорой взрослому человеку, который думает о своей роли в расследовании.

Позже Рогова всё-таки вызвала Антона. Он начал с длинного объяснения природы иммерсивного театра. Следователь выслушала первые две фразы.

— Господин Соколов, мне сейчас нужна ваша память, а не творческая концепция.

— Понимаю.

— Хорошо. Кому принадлежал сценарий?

— Нам с Данилой. Заказчики вносили пожелания.

— Мог ли кто-нибудь посторонний изменить текст?

— Отдельные файлы передавались организаторам. Мы хранили рабочую версию. Но я не могу гарантировать, что никто не сделал копию.

— Что вы видели в служебном коридоре до обнаружения тела?

Антон задумался. Он видел папку. Приоткрытую дверь. Человека. Но раньше — ещё силуэт у поворота и слышал негромкий звук. Он сказал об этом.

— Мужчина или женщина?

— Не знаю.

— Во что одет?

— Темное. Может быть, жакет. Может быть, куртка.

— Лицо?

— Нет.

— Тогда не говорите «мужчина».

— Я и не сказал.

— Вы сказали, когда сидели в коридоре, сотруднику охраны.

Антон покраснел. В памяти действительно всплыла собственная фраза: «Там мужчина прошёл». Он сказал её машинально, потому что в коридоре чаще встречал мужчин из технической службы.

— Вы правы, — выдохнул он. — Я не знаю, кто это был.

После беседы Рогова позволила им уйти, предупредив, что их ещё могут вызвать. Отъезд задержали на несколько минут ради проверки контактов и получения копий документов. Никто не предъявлял артистам обвинений и не делал из них героев. Именно это Антону казалось непривычным: в его представлениях человек, первым обнаруживший тело, обязательно становился центром сюжета.

Перед выходом им встретилась Лиза. Она держала в руке пакет с платьем и никак не могла убрать длинные перчатки. Артём стоял рядом с курткой на плече. Оба выглядели гораздо старше, чем за четыре часа до этого.

— Нас тоже спросили обо всём, — сказала Лиза. — Я видела Ельцова в перерыве между подготовкой и началом выступления. Он тогда разговаривал с мужчиной из технического персонала. Я не знаю с кем. Спиной стоял.

— Ты это сказала? — спросил Данила.

— Да. И ещё, что я не смотрела на часы. Следователь записала.

Артём провёл ладонью по лицу.

— А я вообще ничего не заметил. Репетировал своё вступление и повторял одну фразу сорок раз. Теперь думаю, какой же я был идиот: рядом случилось такое, а я боялся забыть «господа наследники».

— Ты не должен был знать, — сказал Данила.

Лиза вдруг заплакала — не громко, а так, будто у неё просто закончилось терпение. Артём неловко обнял её за плечи, удерживая костюмный пакет. Антон открыл рот, явно собираясь сказать что-то поддерживающее, но Данила опередил его:

— Езжайте домой. Вы всё, что могли, рассказали. Не нужно сейчас искать в себе виноватых.

Они ещё несколько секунд стояли под фонарём, потом разошлись. Антон смотрел им вслед. Ему хотелось произнести напутственную фразу о том, что искусство помогает людям пережить утрату. Но он понимал, что Лизе сейчас гораздо полезнее поспать. Впервые он ощутил разницу между словами, которые красиво звучат в зале, и теми, которые действительно нужны на улице ночью.

На улице было почти пусто. Дождь оставил на тротуаре темные пятна; от метро доносился гул ночного города. Данила остановился у служебной калитки.

— Иди домой, Антон.

— А ты?

— Тоже. Но сначала отправлю копии материалов следователю, как договорились.

— Думаешь, это убийство?

— Я не знаю. Врач сказал только, что человек умер. Следствие разберётся.

Антон посмотрел на окна культурного центра. В одном всё ещё горел свет. За ним двигались люди.

— Ельцов хотел нам что-то рассказать.

— Возможно.

— И мы ушли, потому что я собирался проверить сцену.

— Мы ушли, потому что не имели причин вмешиваться. Не делай из себя причину чужой смерти.

Данила сказал это спокойно. Ему самому хотелось знать, что было бы, если бы они задержались возле эксперта ещё на пять минут. Но такие мысли не дают ответов. Они только заставляют снова и снова проживать время, которого уже не вернуть.

Антон сделал шаг к дороге.

— Даня, наш сценарий теперь, наверное, никому не нужен.

— Именно сегодня он никому не нужен, — ответил Данила.

Антон промолчал и отвернулся к стене.

Глава 4. Человек на видеозаписи

Утром в воскресенье Антон проснулся от собственного голоса.

— Ни один из вас не покинет это место, пока не будет установлена истина!

Фраза звучала из телефона на тумбочке. Антон сонно потянулся за устройством, едва не уронил стакан с водой и увидел себя на экране: тёмный пиджак, поднятый указательный палец, выразительное лицо. Видео было снято накануне в фойе, когда он репетировал сцену перед выступлением. Надпись внизу гласила: «В „Орфее“ нашли мёртвого эксперта. Актёр говорил об убийстве ещё до того, как всё случилось».

— Замечательно, — сказал он пустой комнате.

Его фотография появилась в местном канале о происшествиях. Неизвестный автор наложил тревожную музыку и вырезал из видеозаписи фрагмент так, будто Антон предсказал смерть Ельцова. Просмотров было почти двадцать тысяч. В комментариях спорили, постановка это или реальное преступление. Один человек уверял, что видел Антона в криминальной хронике пять лет назад. Другой объявил, что в Москве начали продавать квесты с настоящими трупами.

Антон позвонил Даниле.

— Ты видел?

— Да, — ответил тот. На заднем плане шумел чайник.

— Это клевета. Они использовали мой творческий материал без разрешения.

— Антон, там погиб человек.

— Я знаю. Я говорю о ролике.

— Давай о ролике поговорим вечером. Сейчас нужно получить копии договора и переписки. У нас может быть проверка, а клиенты начнут задавать вопросы.

— Они уже задают. Пишут, правда ли мы расследуем преступления.

— Ответь: нет, мы проводим спектакли.

— Я ответил именно так.

— И что?

— Получилось скучно. Никто не лайкнул.

Данила молчал достаточно долго, чтобы Антон успел пожалеть о шутке.

— Ты себя слышишь? — спросил он наконец.

Антон хотел ответить резко, но остановился. Человек, которого они вчера видели живым, умер. Всё остальное действительно отступало на второй план. Даже видео, которое без спроса превратило его в героя чужой истории.

К полудню выяснилось, что публикация разошлась по нескольким городским каналам. Название их фирмы там написали неправильно: «Соколов и Крылов. Театральный розыск». Антон сначала обиделся, потом признал, что звучит эффектно. Данила попросил больше ничего публично не комментировать, кроме подтверждения фактов: они работали на мероприятии как актёры и обнаружили человека, после чего вызвали помощь.

В два часа пришло письмо от администрации «Орфея». Виктория Левина благодарила их за работу, сожалела о случившемся и просила воздержаться от комментариев до завершения служебной проверки. Об оплате говорилось отдельно: «Вопрос будет урегулирован после оценки объёма оказанных услуг».

Данила перечитал эту строку шесть раз. В договоре значилось, что в случае прекращения мероприятия по причинам, не зависящим от исполнителя, заказчик оплачивает фактически выполненные работы. Но как оценивать вечер, во время которого актёры вышли на сцену лишь во время репетиции?

— Обязательно выставим счёт, — сказал он по телефону Антону.

— Сейчас?

— Сейчас подготовим документы. Отправим завтра. Иначе нам даже аренду звука нечем закрыть.

— Ты можешь думать о деньгах после того, что произошло?

— Я могу думать о нескольких вещах одновременно. В частности, о том, что у тебя в понедельник аренда квартиры.

Антон замолчал. Этим Данила снова испортил ему красивую мысль о высоких трагических обстоятельствах.

У фирмы появился первый отказ. Заказчица детского спектакля написала, что не хотела бы приглашать людей, чьи лица связаны в новостях с убийством. Данила ответил ей без обиды: понимает решение, аванс вернёт в срок. Антон сказал, что их несправедливо судят по чужой трагедии. Данила показал банковское приложение, где после возврата денег осталась сумма, которой едва хватало на оплату помещения.

— Мы можем оспорить отказ, — предложил Антон.

— Можем, если хотим навсегда потерять добрые отношения с клиентом. Я предпочёл бы потратить силы на следующий заказ.

Антон снова взглянул на обложку городского канала. Там была его собственная фотография, на которой он казался властным и умным. Людям в интернете она понравилась, а человеку, собиравшемуся заказать детский праздник, — нет. Странное несовпадение.

— Значит, репутация — это не то, что о тебе говорят? — спросил он.

— Это то, за что тебе готовы платить после того, как наговорились.

Эту фразу Данила произнёс почти без юмора. Антон запомнил её лучше большинства советов, которыми они обменивались за последние месяцы.

Днём Антона неожиданно набрала Антонина Павловна. Голос её был обычным, спокойным.

— Соколов, вы живы?

— Да, Антонина Павловна.

— Данила жив?

— Тоже.

— Уже хорошо. Я по телевизору увидела ваши фотографии и сначала подумала, что вы там опять кого-то разыгрываете. Потом прочитала новости. Очень неприятно.

— Мы ничего не знали.

— Надеюсь, так и сказали полиции.

— Сказали.

— Тогда не пытайтесь узнать больше, чем положено. Ваши обязанности уже выполнены.

— Но человек хотел с нами поговорить.

На другом конце стало тихо.

— Антон, — сказала Антонина Павловна, — я тоже когда-то думала: если бы вовремя позвонила одному человеку, он, может быть, остался бы жив. Но это не даёт права заменять следствие догадками. Есть большая разница между помощью и суетой.

Он ожидал нравучений, но услышал усталость, и поэтому не стал спорить.

— Спасибо, что позвонили.

— И костюм после химчистки заберите. На записи воротник измят.

Она отключилась. Антон посмотрел на свой пиджак, брошенный на спинку стула, и слабо улыбнулся.

Вечером они встретились в офисе. Данила принёс электронные копии договора, актов подготовки, оплаченных чеков. Антон принёс пирожные. Они молча выпили чай. Через стену соседняя мастерская репетировала детский праздник: раз в три минуты чей-то голос громко сообщал, что волшебство рядом.

— Нам нужен адвокат? — спросил Антон.

— Пока никто не сказал, что мы в чём-то обвиняемся. Но если понадобится, наймём. Не будем представлять себя героями криминального сериала.

— У тебя все советы заканчиваются одним и тем же.

— Потому что ты всё время собираешься начать сериал.

Данила открыл папку с исходным сценарием. Вверху было написано «Убийство коллекционера: игра для гостей». Он долго смотрел на первую страницу, затем удалил слово «убийство» из имени файла и сохранил копию под нейтральным названием. Оригинал оставил без изменений для полиции.

— Зачем? — спросил Антон.

— Не хочу каждый раз видеть это слово, когда открываю рабочие материалы.

Они уже собирались уйти, когда в дверь постучали. На пороге стояла молодая женщина в тёмном дождевике, с рюкзаком и телефоном в руке. Она выглядела скорее усталой, чем решительной.

— Полина Белова, — представилась она. — Я журналист. И прежде чем вы закроете дверь, хочу сказать: я знала Николая Ельцова.

Антон хотел ответить, что интервью они не дают. Но женщина продолжила:

— Он собирался выступить с заявлением после вчерашнего вечера. У меня есть часть его записей. По-моему, его убили не из-за спектакля, а из-за того, что он нашёл в архиве.

Данила медленно поставил чашку на стол.

— Откуда вы знаете наш адрес?

— Из открытых реквизитов в договоре вашей фирмы. Я журналист, а не волшебница.

Антон посторонился. Данила, хотя и не любил неожиданных гостей, сказал:

— Проходите. Но сначала объясните, почему не идёте со своими записями в полицию.

* * *

Полина Белова села на единственный стул, который не шатался. Она поставила рюкзак возле ноги и оглядел комнату. Искусственная пальма, старый диван, на стене афиша их первого квеста. Фирма «Театральные расследования» явно не располагала тайным аналитическим отделом, которого она ожидала по видеоролику.

— Вы правда актёры? — спросила она.

— Профессиональные, — сказал Антон.

— По документам — организаторы мероприятий, — уточнил Данила. — И актёры по образованию. Для вас это важно?

— Я читала, что вы однажды помогли разоблачить мошенников.

— Мы однажды провели корпоратив, — ответил Данила. — Остальное раздула молва.

Полина на секунду разочаровалась. Потом открыла телефон и показала фотографию Николая Ельцова на фоне старого театрального макета.

— Я работаю над материалом о подмене предметов частных собраний. Ельцов согласился поговорить со мной после того, как закончит инвентаризацию. Он говорил, что в «Орфее» есть эскизы, происхождение которых не подтверждается документами.

— Но вчера вы сказали, он собирался сделать заявление, — напомнил Данила.

— Да. Он передумал ждать до публикации. У него появились сравнительные снимки.

— Что за снимки?

Полина показала две фотографии. На первой — лист со сценическим эскизом: наклонная башня, силуэты людей, стремительная диагональ занавеса. На второй — внешне похожее изображение, снятое под другим углом. Разница была едва заметна: у края листа не совпадало небольшое пятно и линия в нижней части композиции.

— Это подлинник и копия? — спросил Антон.

— Возможно. Чтобы утверждать, нужна полноценная экспертиза. Ельцов считал, что из собрания фонда исчезло несколько оригиналов, а на выставке стоят заменители. Но я не реставратор. Вижу только то, что он мне объяснил.

Данила наклонился ближе. Он не собирался становиться экспертом по бумаге, но хорошо знал работу с декорациями. В театре копии старых материалов использовали постоянно. Разница между выставочной копией и мошеннической подменой заключалась вовсе не во внешнем сходстве: она заключалась в том, кто и зачем выдавал одно за другое.

— Есть опись? — спросил он.

— Ельцов говорил, что есть. Полной копии у меня нет. Только несколько снимков его записей. Он не хотел пересылать материалы до проверки.

— В полиции они уже были?

— Я обращалась сегодня. Меня попросили передать всё официально. Передам утром. Пришла к вам, потому что в интернете появилась странная запись вашего выступления и люди пишут, что вы знали о смерти заранее.

— Конечно, не знали, — сказал Антон.

— Тогда расскажите, что было на самом деле. Мне нужно понять, кто и зачем сделал из этого спектакль.

Данила ответил, что они не могут делиться деталями опросов и материалами, переданными следствию. Он объяснил лишь общедоступное: их наняли для художественной программы; реальное тело они обнаружили случайно; никаких полномочий на расследование у них нет. Полина слушала, не перебивая, и впервые её взгляд стал уважительным.

— Хорошо, — сказала она. — Я не буду спрашивать, где нашли Ельцова. Но у меня есть один вопрос о вашей работе. Кто придумывал сюжет?

— Я с Данилой, — ответил Антон.

— А заказчики?

— Просили изменить отдельные детали, — сказал Данила. — Не использовать кражу предметов искусства, например.

Полина подняла голову.

— Не использовать кражу?

— Именно. Сказали, слишком банально.

Она рассмеялась, но смех был коротким.

— У фонда, который собирает деньги на реставрацию коллекции, самый банальный сюжет — кража из этой же коллекции. Возможно, они правы.

Антон почувствовал себя человеком, увидевшим на сцене ожидаемую реплику.

— Понимаете! Это же почти готовая схема.

— Ничего готового, — резко сказал Данила. — Совпадение темы не доказывает преступления.

Полина кивнула.

— Он прав. У меня нет права писать, что фонд обманывал людей, пока документы не проверены. Но Ельцов был в чём-то уверен. Настолько, что вчера собирался публично возражать против презентации эскизов.

— А кому он мог мешать? — спросил Антон.

— Всем, кто отвечал за закупки, оценку, хранение и выставку. Не только руководству фонда. Коллекционер Шмелёв, например, участвовал в передаче части собрания, и Ельцов с ним спорил.

— Шмелёв — это с ярким платком?

— Да. Он очень любит рассказывать, что один раз потерял на аукционе миллион, потому что неправильно понял жест соседа. Удивительно, но на следующем аукционе снова купил дорогую вещь.

— Значит, подозреваемых уже несколько, — воодушевился Антон.

— Антон, — произнёс Данила.

— Я использовал слово в литературном смысле.

Полина достала небольшой диктофон и положила его на стол — выключенный, демонстративно. Она объяснила, что не хочет делать скрытую запись; если они позволят, она позже задаст вопросы на камеру о роли сценических эффектов в мероприятии. Данила отказался. Антон начал было торговаться за возможность указать полное название фирмы, но поймал взгляд напарника и тоже отказался.

— Не люблю журналистов, которые сначала просят комментарий, а потом превращают его в обвинение, — сказал Данила.

— Я тоже, — ответила Полина. — Поэтому пока ничего не записываю.

Они поговорили ещё четверть часа. Выяснилось, что Полина несколько лет назад готовила материал о театральном финансировании и тогда впервые познакомилась с Ельцовым. Он не был удобным источником: исправлял ей терминологию, требовал не называть литографию картиной и однажды прислал семистраничное письмо из-за ошибки в дате постановки. Но его педантичность внушала доверие.

— Последний раз он написал мне в пятницу, — сказала она. — «После субботы будет разговор не об искусстве, а о людях». Странно, правда? Он обычно так не формулировал.

— У вас сообщение сохранилось? — спросил Данила.

— Да. Я передам его следствию.

— А вы почему этим занимаетесь? — вдруг спросил Антон, пока Полина складывала распечатки. — Неужели так интересно, какая бумага висит в чужом театре?

Она задумалась. Её первый большой материал когда-то был посвящён восстановлению старого здания. Тогда редактор попросил найти конфликт: жильцы против инвестора, художники против администрации, город против жителей. Полина нашла конфликт, но заметила ещё одну вещь. В отчётах фигурировали сотни тысяч рублей на сохранение панно, которого никто никогда не видел. Она запросила документы, потратила две недели на выяснение имени автора, а потом узнала, что панно действительно существует, просто его давно закрыли деревянным щитом. Деньги потратили не впустую, однако никто из людей, выступавших от имени искусства, не счёл нужным объяснить это жителям.

— Я поняла, что историю чаще портит не злодей, а человек, которому лень отвечать на вопросы, — сказала она. — И что настоящий злодей очень любит прятаться среди таких людей.

— Красиво сказано, — оценил Антон.

— Не записывайте. Это слишком красиво для моей профессии.

Данила заметил: Полина, в отличие от Антона, не стремилась немедленно назначить виновного. Она готова была неделями проверять дату на обороте старой фотографии, потому что ошибочная дата могла уничтожить доверие ко всему материалу. Эта черта делала её не просто хорошим собеседником. С ней было безопаснее разговаривать, чем с человеком, который заранее решил, какой ответ ему нужен.

Когда Полина собралась уходить, Антон проводил её до двери.

— А если вдруг узнаете что-то важное, позвоните.

— Почему вам?

Он открыл рот, закрыл и после паузы ответил:

— Потому что мне жаль человека, который хотел объясниться, а мы не успели выслушать. Полина посмотрела на него без насмешки.

— Это уже ответ получше, чем «мы расследуем».

После её ухода Данила ещё долго сидел над сценарием.

— Она права в одном, — сказал он. — Кто-то очень хотел, чтобы Ельцов молчал. Но почему этот кто-то ещё и подсовывал нам записки?

— Чтобы мы нашли убийцу, — предположил Антон.

— Или чтобы мы назвали не того человека.

Антон посмотрел на белую доску, куда они записывали заказы. Там было три колонки: «Клиент», «Дата», «Оплата». Он взял маркер и дописал четвёртую: «Что произошло на самом деле».

Данила хотел возразить. Потом стёр её.

— У нас и без этого хватает работы.

— А ты сам вопрос задал.

— Вопрос — не лицензия на расследование.

— Но знать, кому мы доверяли на площадке, имеет смысл.

Данила не ответил. Впервые ему показалось, что за упрямством Антона стоит не только желание оказаться в центре сюжета. Возможно, тот действительно чувствовал ответственность за людей, которых видел на последнем вечере Ельцова. Другое дело, что чувство ответственности ещё не подсказывает безопасного способа действовать.

Глава 5. Первое неверное обвинение

В понедельник Данила приехал в «Орфей» не расследовать убийство, а вернуть арендованный проектор. Так он объяснил себе поездку и именно так написал Антону, который немедленно предложил сопровождение.

- Нет, — ответил Данила.
- Я могу помочь нести оборудование.
- Оно помещается в сумку.
- Могу морально поддержать.
- Это уже тяжёлый груз.

Антон всё равно приехал. Встретил его у служебного входа с двумя стаканами кофе и видом человека, который только что совершил серьёзный поступок. Данила взял свой стакан без благодарности, но и без возражений. Они прошли через охрану, предъявив письмо администрации о возврате техники.

В коридоре было непривычно пусто. Цветы начали увядать, часть украшений сняли, афишу благотворительного вечера на экране заменили объявлением о занятиях по вокалу. Рядом с залом стояли коробки с неразобранными программами. Каждая вещь ещё хранила след субботы, но уже переходила обратно в обычный порядок.

Глеб встретил их возле пульта. Лицо у него осунулось, под глазами появились темные полосы.

- Привезли? — спросил он.
- В целости, — ответил Данила. — Вот расписка.
- Глеб проверил серийный номер аппарата и подписал документ.
- Молодцы. Хоть кто-то бумаги вовремя возвращает.

Антон огляделся.

- Как здесь теперь?

— По-разному. Следователи забрали копии записей. Служебную комнату закрыли до окончания необходимых действий. Вопросов больше, чем ответов.

Он помолчал, потом добавил:

— Ельцов трудный был человек. Но своего дела не бросал. Такого конца никому не пожелаешь.

Данила услышал за раздражением нечто личное. У Глеба даже злость звучала иначе, когда речь шла о покойном. Не было привычного театрального ворчания — только усталость.

- Вы спорили из-за эскизов? — неожиданно спросил Антон.

Глеб посмотрел на него тяжёлым взглядом.

- Откуда вам это известно?

— Эксперт говорил о документах. Мы слышали случайно.

— Слышали. Ну конечно. Вам ведь сказали не заниматься этим.

— Мы и не занимаемся, — вмешался Данила. — Простите. У нас оборудование, расписка, больше ничего.

Глеб помолчал.

— Спорили, — сказал он наконец. — Я отвечаю за помещение и сохранность, он — за коллекцию. Когда эксперт месяцами требует улучшить влажность, но не может объяснить, где взять деньги, трудно не спорить. Это не делает людей врагами.

- А ящик двенадцать? — спросил Антон прежде, чем Данила успел остановить его.

Глеб замер.

- Что вы сказали?

Антон сам почувствовал, как неприятно прозвучали слова. Он не имел права допрашивать этого человека. Но уже произнёс их вслух.

— Нам по ошибке попала архивная памятка. Там был такой номер.

— Вы передали её полиции?

— Да, — ответил Данила.

Глеб медленно выдохнул.

— Правильно сделали. Больше о ней ни с кем не говорите.

— Почему? — всё ещё не унимался Антон.

— Потому что кто-то специально устроил эту путаницу. Ящик под номером двенадцать давно перевели в другой отсек. И если вы видели этот номер в чужой бумаге, кто-то хотел, чтобы вы туда полезли.

— А что в нём?

— Я не собираюсь сейчас обсуждать с вами архив. Если у следователя будут вопросы, отвечу. Вам советую того же.

Глеб ушёл в аппаратную, оставив их возле выключенного пульта.

— Вот, — сказал Антон. — Он знает.

— Он сказал, что знает про ящик, — ответил Данила. — Это разные вещи.

— Ты совсем не любопытный?

— Я любопытный настолько, чтобы не вмешиваться в чужое следствие.

На столе у Глеба лежал раскрытый журнал работ. Данила успел увидеть несколько строк, пока технический директор расписывался за проектор: замена плафона, выдача двух переносных стоек, устранение люфта дверной ручки. Каждое действие сопровождалось фамилией исполнителя и временем. Человек, который в разговоре производил впечатление необязательного ворчуна, в документах оказался педантом.

— У вас всегда столько записей? — спросил Данила.

— Да. Хотите смеяться? Смейтесь. Но когда у вас в субботу ломается микрофон, в понедельник забывают, кому выдали запасной, а во вторник считают, что никто ничего не брал, журнал становится моим единственным другом.

Он закрыл тетрадь и обернулся к двери аппаратной.

— На месте эксперта я бы делал то же самое, — добавил Глеб. — Проверял бы документы и не верил словам. Только он во всём подозревал злой умысел, а я чаще вижу неразбериху. Впрочем, после субботы мне уже не так хочется спорить с ним о формулировках.

Данила кивнул. Его профессиональная осторожность узнала себя в чужой привычке всё фиксировать. И одновременно это ничего не говорило о том, насколько Глеб был искренним. Аккуратные записи могли принадлежать честному человеку. Могли и тому, кто лучше других понимает цену отсутствующей записи.

Они вышли на улицу, но у ворот столкнулись с Петром Аркадьевичем Шмелёвым. Коллекционер был в том самом пиджаке с ярким платком, только выражение лица сделалось ещё строже. Рядом стоял молодой человек с планшетом и огромным портфелем для документов.

— Никаких комментариев, — сказал Шмелёв, даже не узнав артистов.

— Мы и не просили, — ответил Данила.

— Все сейчас просят. Все хотят историй. Никому не нужны вещи.

Антон не удержался:

— Николай Ельцов говорил, что некоторые вещи оказались не там, где должны.

Шмелёв остановился.

— Вы кто такие?

— Исполнители программы вечера, — сказал Данила. — Простите за вопрос. Мы уходим.

— Если вы про ту публикацию, — холодно произнёс коллекционер, — Ельцов всегда видел копии там, где другие люди видели работу реставраторов. Ему следовало завершить экспертизу прежде, чем пугать всех разоблачениями.

— Но он не успел, — тихо сказал Антон.

— Вот это и есть трагедия, молодой человек. А не газетная интрига.

Шмелёв пошёл дальше. Его помощник бросил короткий взгляд на Данилу, словно хотел что-то сказать, но двинулся за начальником.

К метро они шли молча. На перекрёстке Антон наконец произнёс:

— Ты заметил? Оба знают про подмену.

— Они работают с коллекцией. Было бы странно, если бы не знали о споре.

— А что ты думаешь о Шмелёве?

— Он не обязан нам нравиться.

Антон почувствовал раздражение. Данила будто специально обесценивал каждую находку. С другой стороны, после субботы сам Антон перестал доверять собственной уверенности.

— Мы должны хоть что-то сделать, — сказал он.

— Уже сделали. Передали полиции найденные бумаги. Вернули оборудование. Всё.

— А Ельцов хотел с нами поговорить.

— Ты снова об этом.

— Потому что человек умер, Даня. И все вокруг говорят про документы, а у меня перед глазами он стоит в гримёрке и спрашивает, почему папка двенадцатая.

Данила не ответил сразу. Они дошли до станции, спустились в переход, остановились возле закрытого книжного киоска.

— Давай договоримся, — сказал он. — Никаких собственных расспросов о смерти. Никаких обвинений. Если кто-то сам передаёт нам информацию, сохраняем и отдаём следователю. Если понадобится свидетельство о нашей работе, даём его полностью. Сможешь?

Антон помолчал.

— Смогу.

— И никакой публичной версии.

— Хорошо.

Антон протянул руку, словно они заключали деловое соглашение. Данила пожал её.

На следующий день в городской газете вышел материал Полины Беловой. Заголовок был осторожным: «Эксперт перед гибелью проверял подлинность театральной коллекции». В тексте не было фамилии предполагаемого преступника и не утверждалось, что в фонде совершено мошенничество. Но упоминались два архивных каталога с разными описаниями одних и тех же листов.

Внизу публикации стояла фотография Шмелёва рядом с Викторией Левиной. Оба улыбались на открытии выставки трёхлетней давности.

Антон прислал ссылку Даниле с коротким сообщением: «Как и договаривались, не расследую. Просто читаю».

Ответ пришёл через минуту: «Тогда прочитай до конца. В статье написано, что экспертиза не завершена».

Антон перечитал материал. Там действительно так и было.

* * *

Ошибку Антон совершил в среду, когда был совершенно уверен, что выполняет договорённость с Данилой.

Они приехали на встречу с заказчиком нового корпоратива. Заказчик оказался владельцем сети небольших кафе, любителем детективов и человеком, которому очень хотелось, чтобы его сотрудники в конце игры «поймали злодея» и получили скидку на десерт.

В переговорной за стеной работал телевизор. Шёл городской выпуск новостей. Диктор рассказывал о смерти эксперта в «Орфее» и упоминал результаты начавшихся проверок. На экран вывели фотографию Глеба Романова.

— Знакомый тип, — сказал владелец кафе. — Я слышал, этот технический директор доступ к архиву контролировал. Ну всё понятно: охранял, значит, сам и украл.

— Не всё понятно, — ответил Данила.

— А вы там были! — оживился заказчик. — Говорят, вы тело нашли. Может, вы и преступника знаете?

Антон ещё до встречи обещал себе не превращать трагедию в рекламу. Однако мысль, что собеседник считает его причастным к чему-то важному, оказалась удивительно приятной.

— Насколько мне известно, этот человек действительно был связан с архивом, — сказал он. — У нас в руках оказались материалы с его именем. Но следствие продолжается.

— То есть подозревают его?

— Я этого не говорил.

— Но вы намекнули.

— Я сказал только о факте.

Данила положил ручку на стол.

— Антон. Можно тебя на минуту?

Они вышли в коридор. За дверью клиент по телефону уже пересказывал сказанное кому-то ещё: «Представляешь, сами сыщики нам подтвердили!»

— Ты что делаешь? — спросил Данила.

— Ничего. Я осторожно сформулировал.

— Ты связал имя человека с уликой, о которой не имеешь права рассказывать. Теперь он будет всем говорить, что мы подтвердили подозрения.

— Я не называл Глеба убийцей.

— Тебе кажется, что если не сказать слово, ты не создал впечатление. Это неправда.

Антон хотел возразить. Потом вспомнил, как Рогова спрашивала о тёмной фигуре: видел ли он мужчину или просто решил, что мужчина? Он тогда признался в ошибке. Сегодня он сделал почти то же самое, только уже не в полицейском кабинете, а за чашкой кофе.

— Я исправлю, — сказал он.

Они вернулись в переговорную. Антон попросил заказчика не пересказывать его слова: у него нет сведений, подтверждающих чью-либо причастность, а обсуждение расследования было неуместным. Клиент смущённо согласился. Но Данила видел экран его телефона, на котором уже горела отправленная запись голосового сообщения.

Договор они всё-таки заключили. На обратном пути Антон молчал так долго, что Данила начал беспокоиться.

— Ну скажи, что ты думаешь, — попросил Антон.

— Думаю, что нужно извиниться перед Глебом, если история до него дойдёт. И сообщить следователю, что ты неосторожно упомянул карточку.

— А если он действительно виноват?

— Тогда наша болтовня всё равно мешает делу.

Данила говорил спокойно, и от этого Антону было ещё хуже. Он привык к перепалкам. Сейчас же чувствовал себя мальчишкой, который обещал не трогать провод и всё-таки потянул его, потому что хотел узнать, что будет.

После встречи Данила настоял, чтобы Антон отправил клиенту письменное уточнение. Не гневное требование удалить голосовые сообщения, не угрозу судом, а простую фразу: «У нас нет сведений о причастности какого-либо человека к смерти эксперта. Просим не распространять предположения как подтверждённые факты». Антон перечитал текст, поморщился и спросил, почему в нём нет хотя бы намёка на извинение.

— Потому что извиняться перед посторонним клиентом за то, что он неправильно тебя понял, мало. Извиняться надо перед человеком, которому мы могли навредить.

— Но мы же ничего не утверждали.

— Я понимаю, что ты уже двадцать минут это говоришь. От этого запись не исчезает.

Антон нажал «отправить». Через несколько минут клиент ответил: «Да-да, всё понимаю, никаких официальных обвинений. Но интересно же!» Данила показал ответ другу и убрал телефон. Их переписка с заказчиком превращалась в тот же спектакль, только здесь никто не согласовывал роли, а билеты покупали чужими репутациями.

У метро им встретился бывший коллега Антона по театру, актёр, который давно ушёл в преподавание. Узнав Антона из новостей, он первым делом спросил, правда ли тот теперь «выводит преступников на чистую воду». Антон попытался объяснить, что они всего лишь обнаружили тело и помогли полиции. Собеседник выслушал его с видимым сожалением.

— А жаль. Красиво было бы: человек сцены раскрывает убийство в театре.

— Красиво, — согласился Антон. — Только ничего красивого там не было.

Сказав это, он сам удивился своей интонации. Ещё неделю назад подобная завязка показала бы ему подарком для сценариста. Теперь он видел Ельцова не как персонажа, а как человека с портфелем, который рассердился из-за неправильно выбранного номера и собиравшись продолжить разговор. У этого человека, вероятно, была домашняя кружка, незаконченные письма и люди, которые привыкли ждать его звонка. В драматургии они назывались бы обстоятельствами биографии. В жизни не имели никакого названия — просто оставались после него.

К вечеру история дошла до Глеба. Не через новостные каналы, а через общих знакомых: кто-то из гостей «Орфея» видел клиента кафе и переслал техническому директору его сообщения. Глеб позвонил Антону сам.

— Вы в своём уме? — спросил он без приветствия.

— Глеб, я не обвинял вас.

— Мне сейчас люди звонят и спрашивают, кто у меня спрятан в ящике двенадцать. Я пятнадцать лет здесь работаю, а теперь вы превращаете чужую смерть в детскую викторину.

Антон почувствовал жар в лице.

— Я ошибся. Я действительно не должен был ничего говорить. Простите.

Глеб замолчал, явно не ожидая такого ответа.

— Вы даже не понимаете, — сказал он наконец. — Ельцов пришёл ко мне перед вечером и просил проверить одну техническую запись. Я отказал, потому что у нас шёл монтаж и я не хотел открывать систему без служебного запроса. Теперь он мёртв, и я не знаю, могло ли это что-то изменить. А вы говорите людям, что я под подозрением.

— Какую запись? — автоматически спросил Антон.

— Я не стану рассказывать вам подробности. Я уже сообщил следователю. Мне просто хочется, чтобы вы прекратили.

Связь оборвалась.

Антон сел на край кровати. Он не стал придумывать оправдание. Он позвонил Даниле и пересказал разговор полностью, ничего не выбрасывая ради красивой версии. Данила слушал.

— Он сказал про запись, — закончил Антон. — Что Ельцов хотел её проверить. Это может быть важно.

— Важно, что он сообщил об этом следствию.

— Я понял.

— Ты извинился?

— Да.

— Тогда на сегодня довольно.

Однако на сегодня было ещё не довольно. Поздно вечером Полина Белова прислала Даниле сообщение. Она получила новую часть рабочих заметок Ельцова от его близкого коллеги и уже связалась с Роговой, чтобы передать их официально. На одном листе эксперт записал список предметов для повторной проверки. Номера совпадали с каталожными номерами фонда, но в графе «место хранения» стояли два разных помещения. И на полях была пометка: «Сопоставить с журналом переноса. Прежняя дверь открывается без карты».

Данила перечитал эти слова. Они ничего не доказывали сами по себе. Он не знал, что эксперт имел в виду: дефект замка, нарушение режима, старую дверь из подсобки. Но вспомнил карту помещений «Орфея», нарисованную Глебом на первом осмотре. Технический директор красным карандашом обозначил доступ к архиву через электронный замок.

В понедельник, когда они возвращали проектор, Глеб сказал, что ящик двенадцать уже перенесён. А в пятницу Ельцов спрашивал про тот же номер так, будто считал его важным. И кто-то подложил артистам бумагу, прямо направлявшую подозрения на Глеба.

— Слишком аккуратно, — пробормотал Данила.

Он открыл файл с планом здания и на отдельном листе отметил три наблюдения: бумага попала к ним от сотрудников фонда; Ельцов знал о ней больше, чем артисты; неизвестный оставил дополнительную карточку во время вечера. Последним пунктом он написал: «НЕ ДЕЛАТЬ ВЫВОДОВ».

Телефон зазвонил. Рогова говорила быстро, без лишних вступлений:

— Данила Сергеевич, уточняя одну деталь по вашей звуковой репетиции. Вы спрашивали техника о резервной записи приветствия Левиной?

— Да.

— Вы её слышали?

— Часть. Несколько предложений.

— Сможете узнать её на слух, если предъявим фрагмент?

Данила задумался. Звук был чистый, голос спокойный, но он не мог гарантировать, что отличит две одинаковые фразы, произнесённые в разные дни.

— Не уверен. Могу рассказать о файле, который видел на экране, и о том, как его запускали на репетиции. Но по одному голосу отличить живую речь от записи я не обещаю.

— Правильно. Тогда завтра в десять подъезжайте с вашей технической документацией. Антона Соколова пока приглашать не требуется.

Следователь отключилась прежде, чем Данила успел спросить зачем.

Он набрал Антона.

— Меня завтра вызывают по технике. Пожалуйста, ни с кем больше не разговаривай об этом деле.

— Уже не разговариваю.

— И Глебу не звони.

— Не звоню.

— И Полине.

— Даня, я понял. Сколько можно?

Данила сел на диван, от которого по-прежнему пахло старой театральной пылью.

— Прости. Просто нам наконец представился шанс помочь не догадкой, а тем, что мы действительно знаем.

— Ты о звуке?

— Да.

— А что ты знаешь?

— Пока только то, что никто не должен был его включать без нужды.

Антон помолчал.

— Надеюсь, это не значит, что мы опять окажемся в новостях.

— Я тоже, — сказал Данила.

На следующее утро он взял свой блокнот, ноутбук и сохранённый план звуковых сигналов. Вся информация, которую он собирался передать, была скучной: имена файлов, каналы, приблизительные минуты репетиции и имена людей возле пульта. И всё же впервые после субботнего вечера он почувствовал, что эти скучные детали могут оказаться важнее любой эффектной реплики Антона.

Глава 6. Голос, которому поверили

Рогова встретила Данилу без приветственной фразы о погоде. На её столе стояла чашка с надписью «Лучший день начинается с кофе», но выглядела чашка так, будто не разделяла оптимизма изготовителя.

— Десять часов ровно, — сказала следователь, взглянув на часы. — Это редкость. Обычно свидетели либо приходят раньше и требуют принять, либо опаздывают и требуют понять.

— Я на звуке работаю, — ответил Данила. — Там опоздание начинается до того, как его заметят.

Он положил на стол распечатанный план вечера, копию договора и блокнот с пометками. Рогова предложила ему обозначить сначала то, что он помнит самостоятельно, и только потом сверяться с бумагами. Данила оценил порядок. Он успел начитать в интернете советов о том, как вести себя на допросе, и ни один не объяснял, почему человеческой памяти нельзя доверять даже последовательность двух музыкальных заставок.

— Резервное приветствие записали в четверг, — начал он. — В пятницу я слышал часть. Ярослав, техник, проверял уровень. Файл назывался «Приветствие В. А. Левиной — резерв». В субботу в зале речь звучала, но микрофонный канал, на который я случайно посмотрел, не показывал активности.

— Это означает, что включили запись?

— Нет. Это означает, что не работал именно тот индикатор, который я видел. Мог быть другой канал, другая коммутация. Я стоял не за главным пультом и не видел всего рабочего экрана.

Рогова пометила что-то на отдельном листе.

— В прошлый раз вы сказали, что вам понравилась синхронизация речи и видеоряда.

— Да. Красиво сделали. Я отметил это в блокноте. — Данила показал запись, сделанную фломастером поверх недопитого кофе. — Если речь шла вживую, монтажёр мог подстраиваться. Если была запись, всё гораздо проще. Но это не ответ на вопрос, где находилась Левина.

— Почему?

— Потому что запись не требует присутствия. И отсутствие записи, кстати, тоже не гарантирует, что человек всё время стоял там, где его представляют гости.

— Понятно. А вы видели Левину во время самой речи?

— Нет. Занавес был подсвечен, и на нём показывали старые декорации. После речи я видел её рядом с ведущим аукциона. Когда она туда пришла — не знаю.

Данила достал второй лист. Это был список звуковых команд с пометками «зал», «фойе», «сцена» и «служебная связь». Он показал графу, где ошибочно значилось «Тревога финальная».

— Почему вы это запомнили? — спросила Рогова.

— Меня раздражало. Финальная тревога должна быть одна, а это был первый эпизод. Я как раз спорил с Ярославом, пока звучало приветствие. Получается, я смотрел на экран и слышал голос, но не наблюдал за людьми.

Следователь некоторое время молчала.

— В интернете вы с коллегой изображаете более наблюдательных людей.

— В интернете мы ещё изображаем, что у нас есть служебный автомобиль. На самом деле у нас проездной и чемодан с реквизитом.

На этот раз Рогова улыбнулась.

Она показала Даниле схематичный план коридоров, не разрешая фотографировать. На плане комната Б находилась за коротким проходом, который соединял сценическое крыло

с хозяйственными помещениями. Данила указал, откуда слышал металлический стук и где видел Антона перед обнаружением тела. На вопрос о фигуре у поворота он ответил, что сам её не видел. Она существовала в показаниях Антона, а не в его памяти.

— На схеме нет зеркала, — заметил Данила. — Возле ниши оно висело. Я видел его во время монтажа.

— Насколько хорошо оно отражает проход?

— Плохо. Для работников сцены годится, чтобы не столкнуться с тележкой. Лицо в нём я бы не опознал.

Рогова попросила указать место зеркала на отдельном листе. Данила поставил крестик, но тут же его перечеркнул: от волнения перепутал правый поворот с левым.

— Давайте иначе, — сказал он. — Я покажу на месте. Здесь могу ошибиться.

Она согласилась. Данила огорчился не из-за ошибки, а потому, что за два дня успел считать свою память более надёжной, чем чужую.

— Спасибо, — сказала Рогова. — Свидетели редко сами напоминают, что не всё видели.

— У меня напарник делает это за нас двоих. Он видит даже то, что ещё не произошло.

— Скажите ему, что по делу достаточно одного человека, который пишет сценарии.

Затем она попросила подробнее вспомнить пятничную репетицию. Кто находился у пульта, кто имел доступ к компьютеру, кто отвечал за резервное включение. Данила назвал Ярослава и Глеба. Ещё возле аппаратной появлялась Виктория: согласовывала титры. Он видел её у экрана, но не мог утверждать, что она прикасалась к клавиатуре.

— А сам файл вы сохранили?

— Нет. Это не наша фонограмма. У меня есть только собственные дорожки. Если кто-то после мероприятия менял файлы, я об этом ничего не знаю.

— Мы это проверяем, — ответила Рогова. — Вы нам нужны именно как человек, который способен объяснить технические детали без желания угадать финал.

При этих словах Данила почувствовал странное облегчение. В отличие от Антона, ему не хотелось называться сыщиком. Возможность быть полезным как специалист неожиданно оказалась гораздо приятнее любого громкого звания.

В коридоре он столкнулся с мужчиной, несущим прозрачный пакет со старой театральной программой. Тот попросил пропустить его, потому что «там бумага рассохнется». Данила отступил. Человека он не узнал, хотя тот очень внимательно посмотрел на его лицо.

Пока Данила собирал бумаги, Рогова уточнила ещё один вопрос, которого не было в подготовленном списке.

— В пятницу у вас меняли расположение пульта?

— Нет. Но сдвигали столик с нашим реквизитом. Из-за этого я просил освободить проход. Зачем вы спрашиваете?

— Пытаемся установить, откуда участники вечера могли видеть рабочий экран.

Данила задумался. С места у центральной колонны экран аппаратной был неразличим. Зато с бокового входа, которым пользовались администраторы, можно было заглянуть через плечо Ярослава. Если человек знал, куда смотреть, ему хватило бы нескольких секунд, чтобы увидеть название резервного файла. Но сам Данила находился там гораздо дольше и всё равно не мог уверенно сказать, как запустили речь в субботу.

— В служебный проход ходили десятки людей, — ответил он. — Флористы, монтажники, распорядители. Там не было двери с табличкой «Только для подозреваемых».

— Жаль, — сухо сказала Рогова. — Работу нам бы упростили.

Данила вспомнил сцену, которую они репетировали в пятницу: вымышленный управляющий прятал записку в конверт, где её обязательно должен был найти герой. Всё в спектакле было устроено для облегчения чужих выводов. Он подумал, что настоящий преступник,

если он вообще пользовался пультом, вовсе не обязан был оставлять осмысленные следы. Возможно, этот человек даже не догадывался, какие записи сохраняет компьютер.

— Можно ещё одно замечание? — спросил Данила. — Про этот экран. Если вы найдёте след запуска записи, надо будет проверить, откуда он появился. Я видел случаи, когда программа сохраняла последнее состояние после репетиции. На экране казалось, будто сигнал работал в указанное время, а на самом деле это был незакрытый проект прошлого дня.

— Поэтому мы и привлекли специалиста, — ответила Рогова. — Спасибо, что не решили сами провести экспертизу по памяти.

Когда Данила вышел из кабинета, ему почему-то вспомнились слова Антонины Павловны: за каждым документом должен быть человек, который отвечает за его смысл. Здесь даже звук требовал такой ответственности.

На улице пришло сообщение от Антона: «Ну что, вычислили?»

Данила ответил: «Выяснили, насколько мало мы знаем».

Следом пришло: «Это тоже результат. Можно на нём построить второй акт».

Данила уже собирался послать привычное «не надо», но остановился. Антон спрашивал не из одного тщеславия. Ему было страшно, и он скрывал страх привычной шуткой.

«Буду в офисе через час. Купи хлеб», — написал Данила.

«Почему именно хлеб?»

«Потому что расследование не отменяет обед».

Антон прислал театральный смайлик и фотографию батона с подписью: «Вещественное доказательство». Данила убрал телефон. Мир начинал возвращаться к обычному размеру, и этому нельзя было не радоваться.

Но в метро он вспомнил слова Роговой: «Мы это проверяем». Значит, у следствия уже были основания разбираться с тем, кто и как запускал резервную речь. От одной мысли, что чей-то голос мог звучать перед сотнями гостей без самого человека, ему стало не по себе. Он всю жизнь создавал иллюзии для сцены. Теперь впервые допускал, что кто-то мог использовать такую иллюзию не ради зрителей.

* * *

Антон подготовил извинение перед Глебом так основательно, будто собирался сыграть монолог из третьего акта трагедии. Сначала он написал пять вариантов. В первом обещал «восстановить попорченную честь». Во втором признавал «недопустимость необоснованных предположений». В третьем просил «позволить склонить голову перед профессионалом».

Данила прочитал все пять и выбрал шестой:

— «Я был неправ. Простите, что мои слова могли вам навредить».

— Это коротко.

— Это извинение. У него не должно быть антракта.

Глеб согласился встретиться с ними на служебном дворе «Орфея», где в пятницу проверяли пожарную сигнализацию. Никаких разговоров об архиве он не обещал. Пришёл в рабочей куртке и держал папку с актами, прижимая к локтю рулон изолянта.

— Я был неправ, — сказал Антон, прежде чем открыть рот для третьего абзаца. — Простите, что мои слова могли вам навредить.

— Всё? — спросил Глеб.

Антон растерялся.

— В общем, да.

— Впервые вижу человека, которому извинение далось труднее, чем всем нам эвакуация.

Они постояли возле грузовой рампы. Изнутри здания слышался хор: кто-то репетировал финальную песню концерта, и двадцать голосов не могли договориться об одной последней ноте. Глеб посмотрел на дверь.

— Когда-нибудь, — сказал он, — я напишу книгу о том, что случилось с великими театральными традициями. Первая глава будет про людей, которые не умеют закрывать дверь за собой.

Данила попытался перевести разговор к техническому запросу Ельцова, но Глеб поднял руку.

— Всё, что мог, рассказал следователю. Я не хочу второй раз пройти по этому кругу, только теперь без протокола. У Николая была привычка считать любую нестыковку преступлением. Мы спорили. Но я не желал ему смерти, если вас это интересует.

— Нас это вообще не должно интересовать, — ответил Данила.

— Хорошо. Значит, хоть один из вас учится.

Антон не обиделся. Он разглядел на руках Глеба глубокие царапины и заметил, что тот держит папку так, чтобы не задевать запястье. В детективном спектакле он непременно спросил бы, откуда травмы. Сейчас спросил другое:

— Вам помочь донести?

Глеб посмотрел на тяжёлые документы, потом на Антона.

— Донесите. Только не надо рассказывать потом, что вы спасли театр.

Они прошли по разрешённому служебному коридору. На стене висели объявления: «Реквизит после репетиции сдавать», «Не приносить еду в аппаратную», «ПРОСЬБА НЕ ПРИКЛЕИВАТЬ НИЧЕГО К СТАРИННОЙ ДВЕРИ». Последний лист кто-то прилепил прямо к старинной двери. Глеб остановился и беззвучно снял бумагу.

— Вот так у нас всё и работает, — сказал он.

В кабинете технической службы стоял старый шкаф с папками. Глеб объяснил, что теперь каждое перемещение из архива в служебные помещения оформляют отдельно. Эта мера появилась после смерти Ельцова. Он не скрывал, что ему неприятно: порядок, к которому он привыкал годами, ввели только после того, как погиб человек.

— Если бы он добился своей проверки раньше... — начал Антон.

— Не надо «если бы», — перебил Глеб. — С ними потом жить невозможно.

В дверях появилась Лиза Черняева. Она приехала за частью реквизита и выглядела расстроенной.

— Мне сегодня сказали, что нашей труппе здесь пока не рады, — призналась она. — А у меня на декабрь была репетиция детского спектакля.

— Вы-то тут при чём? — спросил Глеб.

— Люди помнят фамилии неравномерно. Если что-то случилось с артистами, все артисты виноваты. Особенно те, у кого красное платье.

Антон попытался немедленно предложить провести переговоры с администрацией. Данила мягко остановил его. Лиза достаточно взрослая, чтобы самой поговорить о контракте. Им следовало помочь с реквизитом, а не снова отправляться спасать всех подряд.

Когда они вышли, Антон обнаружил, что его новые ботинки испачканы старой краской. Он посмотрел на них с грустью.

— За неделю они видели и смерть, и моё унижение.

— Отличная реклама обуви, — сказал Данила. — «Выдерживает настоящую жизнь».

По дороге обратно Антон неожиданно остановился возле афиши на стене «Орфея». Это была старая реклама спектакля, где он когда-то играл второго слугу. Имя актёра стояло самым мелким шрифтом; чтобы прочесть, приходилось подходить вплотную.

— Моя первая большая роль, — сказал он.

— Ты говорил, что был вторым слугой.

— Для меня это была большая роль. Я приносил письмо. Без письма герой не узнал бы правду и спектакль закончился бы на сорок минут раньше.

Данила взглянул на афишу. Антон в те годы ещё верил, что театр устроен справедливо: достаточно точно исполнить свою задачу — и тебя заметят. Потом начались гастроли, отменённые постановки, режиссёры с обещаниями и зарплата, которая зависела от того, какой месяц бухгалтерия считала текущим.

— Ты теперь делаешь из всякой мелочи трагедию, — сказал Данила.

— Я делаю из мелочи работу. А трагедия иногда приходит без моего участия.

Они вышли на улицу. Возле остановки мужчина в строительной куртке долго пытался уложить детскую коляску в багажник машины. Антон предложил помочь. Он молча придержал колесо, обойдясь без торжественного объявления о спасательной операции. Коляска вошла с первого раза.

— Спасибо, — сказал мужчина.

— Пожалуйста.

Когда они отошли, Данила заметил:

— Вот видишь. Бывают хорошие поступки, которые никто не снимает на телефон.

— А жаль, — ответил Антон. — Этот был гораздо лучше предыдущих.

Он улыбнулся, и впервые после смерти Ельцова улыбка выглядела не защитой от страха, а настоящей.

В офисе их ждало письмо от «Орфея». Фонд признавал затраты на подготовку мероприятия, но предлагал оплатить лишь часть договорной суммы. Формулировка выглядела настолько аккуратной, что Данила сразу почувствовал подвох: вежливые письма иногда экономят на гневном отправителе.

— Будем судиться? — спросил Антон.

— Сначала ответим по договору. Приложим акт выполненных подготовительных работ и расходы по подтверждающим документам.

— А если они откажут?

— Тогда получим консультацию. В отличие от тебя, я не считаю любую переписку судебной драмой.

Они просидели до вечера, восстанавливая часы монтажа, репетиций, подготовки реквизита и оплаты приглашённым артистам. Смешного в этих цифрах было мало. Зато Данила наконец смог вычеркнуть из списка несколько конкретных вопросов.

Поздно вечером пришёл ответ от Виктории Левиной. «Документы получили. В связи с текущей ситуацией просим не распространять переписку. Надеюсь на ваше понимание».

Антон прочёл вслух последнюю фразу.

— Она у неё как подпись. Вроде просьба, а ощущение, что тебя уже выставили за дверь.

— Ничего, — сказал Данила. — Мы хотя бы стоим по правильную сторону двери.

Глава 7. Два каталога

Полина Белова работала в редакции, где из семи сотрудников пятеро знали, как писать громкие заголовки, и только двое могли объяснить, что написано в самих статьях. Главный редактор предлагал назвать историю «Убийство за миллионы: тайна театральных сокровищ». Полина возражала, потому что ни миллионы, ни связь убийства с подменой пока не были доказаны.

- Ты не даёшь человеку открыть материал, — сетовал редактор.
- Я пытаюсь сделать так, чтобы после открытия он не понял, что его обманули.
- Очень некоммерческая позиция.
- Зато позволяет писать вторую статью без извинений за первую.

В обед к ней пришёл Александр Князев — помощник коллекционера Шмелёва, тот самый молодой человек с большим портфелем. На вопрос, зачем он выбрал кафе напротив редакции, Александр ответил:

- Там хотя бы можно сесть спиной к стене.
- Вы боитесь?
- Я не хочу, чтобы начальник узнал о разговоре до того, как я решу, зачем разговаривал.

Он извлёк два каталога, изданных с разницей в четыре года. Оба были настоящими печатными брошюрами с издательскими сведениями, но описание одного сценографического эскиза различалось. В раннем издании эскиз принадлежал частной коллекции и предоставлялся на выставку временно. В позднем значился переданным благотворительному фонду «Наследие сцены» в составе дарения. Рядом стояла фотография, снятая под иным углом.

- И это подлог? — спросила Полина.

— Это вопрос, — сказал Александр. — Дарение могло быть законным. Только у нас в архиве нет подтверждения именно этой передачи. Шмелёв уверен, что всё оформляли юристы фонда. Юристы говорят, что документы у Шмелёва.

- Почему Ельцов занялся этим?

— Он проводил сверку перед страхованием собрания. Такие работы нужны не для красивой подписи, а чтобы понимать, за что отвечает музей, а за что владелец. Ему не нравилось, что на старых фотографиях видны мелкие повреждения, которых нет на нынешних листах.

Александр подвинул фотографии друг к другу. Полина увидела крошечную точку у края бумаги на одном снимке. На втором её не было. Она могла исчезнуть после реставрации, могла оказаться пылью на объективе. Полина аккуратно убрала телефон, которым уже собиралась всё сфотографировать.

- Я не буду объявлять это заменой только по снимкам.

— Спасибо. Ельцов тоже не объявлял. Он хотел сначала проверить номера хранения, состояние бумаги, запись о реставрации и источник поступления.

Помощник говорил сухо, но пальцы его дрожали. Ему было двадцать шесть, он лишь недавно получил эту работу и явно не рассчитывал оказаться между уважаемым коллекционером и возможным уголовным делом.

- Почему вы пришли именно ко мне?

— Потому что остальные спрашивают, сколько всё это стоит. Вы спросили, почему оно вообще оказалось на выставке.

- Вы уже передали сведения следствию?

— Получил повестку на завтра. Отдам им копии. Эти каталоги принёс только для сверки открытых данных. Оригиналы у нас учтены.

Полина попросила разрешение цитировать его лишь после согласования фактов и не публиковать местонахождение документов. Александр кивнул. Перед уходом он сказал:

— Пётр Аркадьевич не такой, каким выглядит в роликах. Он любит коллекцию. Но он привык, что люди согласны с ним ещё до того, как он закончит говорить.

— Непростой начальник.

— Он сегодня велел удалить из презентации фотографию, на которой видно, что в две тысячи двадцать втором году один лист висел в другом паспорту. Сказал, нечего путать посетителей.

Полина всё-таки записала эту фразу. Не как доказательство преступления — как историю о том, как легко заботу о репутации можно перепутать с желанием управлять фактами.

Редактор позвонил Полине через десять минут после ухода Александра.

— Ну что, у нас появился разоблачитель?

— У нас появился источник, который объяснил разницу между двумя каталогами. Это полезнее.

— Почему полезнее? Источники должны говорить громкие вещи.

— Тогда вам нужен ведущий аукциона, а не журналист.

Полина закончила разговор и пересмотрела свои записи. Она отметила отдельно слова Шмелёва, которые требовали подтверждения, и отдельно — факты, видимые в самих брошюрах. Она не хотела повторять ошибку, которую уже допустили актёры: превратить чужое предположение в общественный приговор.

Вечером мать спросила по телефону, почему дочь опять занялась страшной историей.

— Ты же могла писать о выставках, — сказала мать. — Там люди ходят нарядные, смотрят картины.

— Я и пишу о выставках.

— Тогда почему у тебя в каждой статье полиция?

— Потому что картины иногда выставляют раньше, чем выясняют, чьи они.

Мать помолчала, а затем сообщила, что у неё в шкафу лежит дореволюционная открытка, которую обязательно нужно кому-нибудь показать. Полина пообещала приехать в воскресенье. Она понимала, что мать ищет не эксперта, а повод провести вместе несколько часов, и внесла визит в календарь, отложив рабочую встречу.

После звонка Полина вынула из рюкзака листок с пометками Ельцова, фотографии которого уже официально передала следствию. Он работал аккуратно: сначала формулировал проблему, потом рядом записывал способ проверки. Ни слова «кража», ни слова «виновен». Только «уточнить», «сопоставить», «подтвердить».

Ей показалось, что она начинает немного понимать человека, которого знала всего по нескольким разговорам. Он верил не в сенсацию, а в точность. Теперь от его лица говорили люди, которым точность была нужна не всегда.

Вечером журналистка встретила с Данилой и Антоном в кафе. Данила сразу сказал, что материалы расследования обсуждать не будет. Полина согласилась и предложила говорить о том, как устроены театральные архивы вообще. Антон воспрял духом: наконец-то он мог рассказать то, что действительно знал.

— В костюмерной, — объяснил он, — люди способны хранить три одинаковых сюртука двадцать лет, потому что у каждого своя история. А потом выбросить все три из-за ремонта, потому что никто не подписал ящики.

— Отчасти как в настоящем архиве, — заметила Полина.

— Не говорите это при Глебе. Он решит, что я опять намекаю на него.

Данила слушал и смотрел на фотографии открытых каталогов, которые Полина показала на экране. Он обратил внимание на то, что номер одного эскиза в старом списке был написан с литерой «Б», а в новом — без неё. Такая мелочь встречалась в мастерских постоянно: старые учётные системы жили дольше людей, которые знали их правила.

— Это не обязательно подмена, — сказал он. — Иногда «Б» означает вторую копию для сцены. В моей прошлой труппе так помечали рабочий вариант декорации.

— А в «Орфее»?

— Не знаю. Надо спрашивать хранителя, а не нас.

Полина закрыла фотографии. Антон удивлённо посмотрел на него.

— Даня, ты только что спас кого-то от обвинения.

— Я только что объяснил, почему нельзя его выдвигать.

— Это гораздо труднее продать зрителю.

— Зато гораздо дешевле потом исправлять.

На прощание Полина показала им короткую заметку, ещё не опубликованную. В ней не было слова «мошенничество». Только вопрос: почему при подготовке благотворительного вечера два открытых каталога расходились в описании одного предмета, и кто должен проверить происхождение. Данила одобрил текст. Антон попросил добавить, что истина обязательно будет установлена.

— Это тоже ещё неизвестно, — ответила журналистка.

Антон вздохнул. Он всё чаще сталкивался с людьми, которым хорошие последние фразы мешали делать свою работу.

* * *

У Ярослава была привычка называть любую техническую неполадку «мелочью». Данила знал таких звуковиков: пока колонка не падала на зрителя, всё оставалось мелочью. Но именно мелочи иногда решали судьбу спектакля.

Следователь Рогова пригласила его на дополнительную беседу по видеосвязи. В кабинете рядом с ней сидел специалист по цифровым записям. Они не показывали Даниле изъятые материалы целиком. Попросили только объяснить, какие отметки обычно сохраняет звуковая программа и почему интервалы между ними не равны точному времени события.

— Если файл запускают вручную, — сказал Данила, — программа может показать дату создания, дату изменения и время фактического воспроизведения. Но часы компьютера могли быть выставлены неправильно. Нужна сверка с другими источниками. А если воспроизводили через внешний плеер, следа в этой программе вообще может не быть.

— Что ещё?

— У нас есть служебная связь. В неё Ярослав мог говорить с Глебом, а звук из-зала в этот момент шёл другой цепью. Нельзя по одному отключённому микрофонному индикатору доказать, что речь была записана. И нельзя по имени файла доказать, что его запускали именно в субботу.

Специалист кивнул. Рогова показала старый репетиционный план, на котором значилось: «19:27 — затемнение, 19:30 — приветствие, 19:36 — ролик, 19:41 — ведущий аукциона». Данила сразу указал, что фактический вечер сдвинулся: гостей рассаживали дольше, затем аукцион растянулся.

— Вы запомнили это по собственным отметкам?

— Частично. Но время обнаружения тела я уточнил по телефону: вызов в 20:11. Между окончанием приветствия и вызовом не семь минут, а гораздо больше. Сейчас важно не соединять всё в одну минуту только потому, что события похожи друг на друга.

— Хорошо, — сказала Рогова. — Оставим технический расчёт специалисту.

После звонка Данила долго смотрел на блокнот. В нём обнаружилось пять секунд, о которых он не помнил ничего. Не настоящая тайна: между репликами гостям показывали фотографию занавеса, а он отвлёкся на свои настройки. Но раньше ему казалось, что его память о выступлении непрерывна. Теперь он видел, сколько в ней пробелов.

Антон прибыл с обедом и пакетом стирального порошка.

— Зачем порошок? — спросил Данила.

— В магазине скидка при покупке двух товаров. Обед считается первым.

— Ты купил порошок, потому что дешевле взять обед отдельно?

— Нет. Теперь у нас есть порошок. Не будь узким экономистом.

Они ели гречку из пластиковых контейнеров. Антон спросил о беседе, и Данила пересказал лишь свою роль: объяснил, как обычно устроены аудиофайлы. Содержания материалов дела он не знал и не собирался воображать.

— А если это была запись, — задумался Антон, — то тот, кто её включил, помог кому-то выглядеть присутствующим.

— Если это была запись, — терпеливо повторил Данила, — она могла быть включена законно, ради качества трансляции. Тогда к смерти Ельцова она вообще может не иметь отношения. На любом выступлении резервное видео — обычная вещь.

— Ты каждый раз обрезаешь драматизм.

— Потому что он у тебя растёт быстрее фактов.

Антон открыл блокнот, куда раньше записывал эффектные реплики, и на чистой странице написал: «Не делать вывод до проверки». Данила заметил запись, но ничего не сказал. В его представлении это было значительное событие, и он не хотел спугнуть его аплодисментами.

После разговора со следствием Данила заглянул к знакомому звукорежиссёру в небольшой студийный павильон. Никаких материалов «Орфея» он не показывал и о расследовании не спрашивал. Его интересовало простое профессиональное явление: можно ли по собственному ощущению отличить живую речь, усиленную микрофоном, от аккуратно сведённой записи.

Знакомый по имени Тимур поставил две одинаковые фразы. Одну сказал прямо в микрофон, другую записал заранее и пустил с тем же уровнем громкости. Данила сначала выбрал неверно, потом снова неверно.

— Потому что ты слушаешь интонацию, — сказал Тимур. — А качество зала, обработка и расстояние до колонок могут обмануть даже хорошее ухо.

— Если бы я стоял у сцены?

— Возможно, услышал бы дыхание или изменение тембра при повороте головы. А возможно, не услышал бы. Смотря где колонки и какой микрофон.

— То есть уверенно сказать нельзя?

— Можно уверенно сказать только то, что ты сейчас два раза ошибся.

Данила рассмеялся. Он провёл полжизни за звуковыми пультами и всё равно попался на простом опыте. Возвращаясь домой, он почувствовал облегчение: оказывается, не всякое незнание следовало считать собственной непрофессиональностью. Иногда честный ответ технического специалиста — «надо проверить».

На остановке Данила вынул блокнот и написал: «Слуховая память — не запись оборудования». Он не стал передавать эту строчку следствию: это было общее профессиональное наблюдение, а не факт о субботнем вечере. Но себе обещал больше не превращать его в догадку.

Вечером им позвонил Артём. После вечера в «Орфее» его перестали приглашать на некоторые мероприятия: клиентам не нравилось, что в поиске по его имени появлялась история о трупе. Артём пытался скрыть обиду за шутками.

— Вы понимаете, я играл нотариуса, — говорил он. — Даже не убийцу. Самая опасная моя реплика была «наследство оформляется согласно закону». А теперь мамина подруга спрашивает, не забирали ли меня в отделение.

— Ты можешь дать письменное пояснение, что работал актёром, — предложил Данила.

— Хорошо. И пусть все, кто отменил заказы, подпишут, что прочли.

Антон хотел посоветовать ему превратить печальную известность в рекламу. Открыл рот и вовремя закрыл. Артём нуждался не в маркетинге. Он боялся, что потеряет работу. Антон предложил вместо этого помочь с ближайшей репетицией без оплаты.

— Это уже лучше, — сказал Артём. — У меня там роль человека, которого не слушают. После вашей истории я наконец к ней готов.

Когда разговор закончился, Антон посмотрел на лист с новой записью.

— Впервые понимаю, почему ты всё время на меня злишься.

— Я не всё время злюсь.

— Хорошо. В рабочие часы.

Данила отодвинул пустой контейнер.

— Злость проходит. А ущерб, который ты случайно нанёс человеку, остаётся надолго.

Их телефоны одновременно завибрировали. Полина прислала ссылку на новый публичный комментарий фонда. Виктория Левина заявляла, что сотрудничает с проверкой, а сведения о подмене произведений искусства назвала непроверенными предположениями. Особо она просила «не устраивать самостоятельного расследования в социальных сетях».

Антон прочёл последние слова дважды.

— Кажется, это про нас.

— Если про нас, — сказал Данила, — она впервые не ошиблась.

* * *

К концу недели «Орфей» постепенно возобновлял обычную жизнь. В фойе снова продавали билеты на камерные концерты, студенты репетировали в малом зале, у кассы спорили о возврате денег. Только дверь в служебную комнату Б оставалась закрытой, и возле неё не висело никаких объяснений.

Антон пришёл на репетицию с Лизой и Артёмом в арендованный зал на окраине. Они решили собрать новый корпоративный сценарий — совсем без убийства. Главным преступлением в нём должно было стать исчезновение премии в размере трёх тысяч рублей, а виновным — директор, который забыл подписать приказ.

— Кто будет играть директора? — спросила Лиза.

— Я, — объявил Антон.

— Вот поэтому и забывает подписывать.

Артём принёс папку со сценариями, которые они раньше отвергли как недостаточно интересные. Один назывался «Тайна чайной ложки», второй — «Куда делся служебный принтер», третий — «Преступление на парковке». Данила сказал, что третий можно использовать только в том случае, если парковка предоставлена заказчиком, а не ими.

Репетиция шла плохо. Артём несколько раз забывал текст, Лиза не хотела изображать глупую секретаршу, а Антон по привычке строил напряжённую паузу там, где зрители должны были просто смеяться. В итоге Лиза остановила всех.

— Мы ведь не обязаны изображать, что ничего не произошло. Но и играть смерть каждый вечер не обязаны. Давайте сделаем нормальную смешную историю. Про живых людей.

Антон посмотрел на реквизитную коробку. В ней лежал старый гримёрный платок, белая карточка и ненужный фонарик. Он вынул фонарик и поставил на стол.

— Давай. Из чего возникает конфликт?

— Из того, что начальник ищет пропавший премиальный фонд, — ответила Лиза, — но сам отправил платёж не на тот счёт. И все друг друга подозревают, хотя проблема в одном нуле.

— Это слишком просто, — сказал Артём.

— Зато ты сможешь выучить роль, — ответила Лиза.

В этот момент позвонила Антонина Павловна. Она попросила Антона подъехать в офис «Северного пути» и провести короткий тренинг о том, как не верить людям, которые говорят убедительным голосом. Антон решил, что его наконец-то оценили как профессионала.

— Вы уверены, что нужен именно я?

— Нужны вы и Данила. Он будет объяснять, а вы — показывать, как можно выглядеть уверенно и при этом ничего не знать.

Антон поднял взгляд к потолку. Лиза приснула со смеху.

В офисе «Северного пути» Антонина Павловна сидела над ведомостью пропусков. Со времени прошлой истории она научилась не удивляться тому, как много проблем может создать один неверно заполненный документ. Учиться новому ей нравилось значительно меньше, чем требовать, чтобы другие уже умели.

— На следующей неделе у нас собрание начальников смен, — сказала она. — Я хочу, чтобы они понимали, как мошенники используют чужую уверенность. Но только без слов «труп» и «убийство». У нас и так всё предприятие после ваших приключений нервничает.

Данила показал ей сценарий о потерянной премии. Она прочла, достала ручку и исправила фразу в финансовом документе.

— Вот теперь смешнее. У вас тут ошибка, которую бухгалтер заметит в первую минуту.

— А зритель?

— А зритель должен смеяться, а не думать, что автор никогда не видел платёжное поручение.

Антон наблюдал за ней с восхищением. Из всех людей, которых он встречал, только Антонина Павловна могла усилить комедию правильным оформлением бумаги.

Когда они уже собирались уходить, бабушка спросила о Глебе. Антон признался, что извинился.

— Молодец, — сказала она. — Исправлять ошибку бывает труднее, чем её совершать.

— Мы стараемся больше не лезть в чужое следствие.

— Очень рада. А если действительно можете помочь, делайте это там, где умеете. На вашем месте я бы искала не преступников, а ошибки в сценариях. Они у вас случаются чаще.

В коридоре Данила улыбнулся.

— Видишь? У нас появилось новое профессиональное направление.

— Какое?

— Убедительная ошибка. Демонстрация с разбором.

— Не надо так называть фирму.

Вечером Антон достал из папки договор с фондом «Орфея». Рядом лежало неподписанное соглашение на новый концерт, от которого организаторы пока не отказывались, но всё откладывали решение. Антон хотел позвонить каждому клиенту и объяснить, что они не опасны. Данила остановил его: иногда лучшая реклама — молча выполнить следующий заказ хорошо.

Антон положил телефон экраном вниз. Он представил, как расследование закончится, а ему всё равно надо будет искать заказчиков, платить аренду и отвечать на письма. Эта мысль неожиданно пугала сильнее неизвестного преступника: героем чужой трагедии можно быть лишь на короткое время, а зарабатывающим человеком — каждый день.

Когда актёры уже складывали декорации после репетиции, Лиза задержалась у двери и неожиданно спросила, что будет, если их фирма окончательно разорится.

— Найдём другую работу, — ответил Данила.

— Антон вернётся в театр?

— Если его возьмут.

— А ты?

— На звук. Меня везде берут, пока я не говорю, что хочу играть главную роль.

Лиза улыбнулась, но затем стала серьёзной. У артистов была странная профессия: чужие трагедии могли сделать их знаменитыми, а один неудачный слух лишал недель заработка. Вокруг гибели Ельцова уже появились десятки пересказов, и каждому требовались красивые лица. Лиза боялась, что однажды кто-нибудь предложит им поставить по этой истории комедию.

— Не возьмёмся, — сказал Данила.

— А Антон?

Тот поднял голову от коробки.

— Не возмёмся. Ельцов не просил меня делать из его смерти спектакль.

Несколько секунд все молчали. Потом Артём сказал, что на новом детском утреннике ему поручили сыграть старый шкаф, который умеет хранить секреты.

— Вот тут можно шутить? — спросил он.

— Можно, — разрешила Лиза. — Шкаф у нас пока жив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.